

АРИАДНА БОРИСОВА

НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ

Этническое фэнтези

Ариадна Борисова

Небесный огонь

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Борисова А. В.

Небесный огонь / А. В. Борисова — «Эксмо»,
2017 — (Этническое фэнтези)

ISBN 978-5-04-088592-3

Был у народа, живущего на берегах реки Элен, древний обычай посвящения. Когда вырастали молодые воины, приходилось им выдерживать тяжелые испытания, чтобы доказать свою силу, храбрость и смекалку. В конце обряда юношей, прошедших сквозь огонь, воду и лавины стрел, погружали в чаны с холодным молоком, подобно тому, как в кузне поступают с горячими клинками. Но пришел час, когда не только закаленным воинам, а всем людям Элен предстоит выдержать самое тяжелое и важное испытание — не поддаться искушениям зла и сохранить себя и свой народ.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088592-3

© Борисова А. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Жребий	5
Домм первого вечера[1]	5
Домм второго вечера	24
Домм третьего вечера	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ариадна Борисова

Небесный огонь

Жребий

Сказание восьмое

Домм первого вечера¹

Находки и потери

Одулларский старшина показал Сандалу, как его народ умеет составлять послания на бересте, и подробно рассказал о них. Разговор о Знаках-на-коже-дерева потряс жреца. Даже не сам разговор, а неясная мысль, словно молнией ударившая в голову. Подобно молнии, она и пропала. Не смог Сандал ее удержать.

Целый день жрец метался в своей маленькой юрте. То начинал растирать порошки, то бездумно застывал у окна, потрескивая пальцами. Эту привычку он к старости почему-то перенял у Ньики. Чем больше весен Сандал вырезал на пластинке для счета дней, тем чаще вспоминал верховного.

Отосут зашел звать к обеду в общую юрту – Сандал отослал травника. Вечером выгнал Абыра, тот сунулся глянуть, чем занят главный. Опамятовался, лишь когда новая тьма придвинулась к окнам.

Оказывается, одуллары с незапамятных времен научились наносить свои воспоминания на бересту острием ножа. Первыми придумали Знаки-на-коже-дерева женщины, затем и мужчины стали отмечать нужное о рыбалке, охоте, перекочевках, считали время по нарисованным полным и ущербным лунам. Одуллары нисколько не боялись живописать имеющих души. Вот уж поистине разные у племен поверья и запреты!

Будучи мальчишкой Гилэтом, Сандал не раз встречал оповестительные знаки на бересте и «говорящие» узлы на веревках. Они не были сложными. Гилэт понимал, о чем человек, оставивший их, хотел кого-то уведомить или предупредить.

В день, когда маленький воришка проник в дом верховного, он увидел там на столе странную вещь – ветхий сундучок, заполненный тонкими кожаными пластинами. Листы сверху донизу были исписаны закорючками. Позже верховный Ньика объяснил, что закорючки называются письменами, а сундучок, содержащий их, – доммом. У слова «домм» оказалось несколько значений, которые перетекали из одного в другое. В первом оно было небесным звуком. Во втором – присловьем к молитве. В третьем – Именем Белого Творца среди множества Его Имен.

Древний домм создал ученый человек из племени алахчинов. Это племя когда-то ушло из своих исконных земель. Об алахчинских жрицах удаган, поклонявшихся Небесной Кобылице, упоминал нельгезид в Эрги-Эн. Они и увели свой народ в неизвестность, убегая от какого-то демона. В беседу вмешался кузнец орхо и сообщил, что алахчины растворились в племенах дуги моря Ламы и Великой степи, а часть во главе со жрицами затерялась в Великом лесу...

Сандал уснул на исходе ночи, забыв потушить огонь сальной плошки. Вышел за двери утром, зажмурился и понял, что опоздал к восходу. Солнечный очаг уже разгорелся и окутал

¹ Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

долину розовым теплом. Закрытые веки ловили летучие тени облаков... И вдруг снизошел божественный свет! Озарение, стремительное, как вчерашняя мысль, открыло темя жрецу на пороге юрты. Голову осенило истиной простой и ясной.

«Ты найдешь то, что ищешь», – сказал Сандалу говорящий дух высшего человека Рыры.

«Ты найдешь то, что ищешь», – сказали Сандалу говорящие глаза предводителя шаманов.

Жрец им поверил.

Дрожа, он закрыл лицо ладонями, боясь едва нарожденной мысли, как опасаются и трепещут перед приходом давно не виденного гостя, одновременно страшась, что он не придет.

Мысль не уходила. Она сияла в голове вместе с солнцем, и Сандал, задыхаясь от волнения, покорился ее ликующему натиску. Кинулся в юрту, забегал из угла в угол, не зная, за что взяться. Зачем-то схватил шапку, комкая ее... Солнечная мысль билась в виски, глаза слепли от невыносимого света. Сдерживая себя, Сандал мелкими шажками двинулся к полке с лекарствами. Поискал Каменную смолу – всегдашнее средство для успокоения души. Отколупнул черную капелю, бросил в чашу с ледовой водой и забыл о снадобье – ринулся к другой полке. На ней лежали полосы бересты и рулоны чистой ровдуги. Торопливо развернув берестяной лист, отшвырнул его. Потянулся за ровдугой, расправил светлый лоскут на столе.

Мысль была о знаках. О собственных знаках, которые он придумает! Все они, неповторимые, непохожие друг на друга, будут иметь свой смысл, носить отдельное имя, как родовые тамги. Каждый знак станет словом. Собравшись вместе, знаки-слова сложатся в домм!

Жрец заострил подходящий уголек, примерился к ровдуге. Поводил над нею рукой, точно колдуя, и замер. Нет ли в его намерениях гордыни, желания повторить дело Творца? Всевышний создает великий Домм – жизнь. А Дилга воплощает в Коновязи Времен мгновения человеческого бытия, переплетенные друг с другом. Врубленные в камень слова хранят прошлое и животворят будущее... Но ведь и люди пишут доммы! Другие читают их и берегут. Ньика говорил, что изначальный домм о сотворении Вселенной послал людям Сам Создатель. Значит, Он не порицает запись историй.

Может, когда-нибудь большой ученый живописует историю Срединной земли. А Сандал не обладает столь огромными познаниями. Он расскажет об Элен – так, как видит ее людей и то, что в ней происходит. Он воплотит в нетленном слове судьбу маленькой долины, что с высоты Каменного Пальца кажется песчинкой на груди Орто. Он опишет всё, что видел, видит и еще увидит. Всё, вплоть до войны с демонами на этом Перекрестье живых путей, где рубежом между весной и зимой проходит граница, отделившая Йокумену от остального мира.

День ушел на сочинение знаков. Сандала уже никто не беспокоил. Жрецы не пустили к нему даже Нивани. Оставляли у порога Сандаловой юрты мису с едой и удалялись тихо. От аймака к аймаку полетел слух, что главный озаренный думает, как усмирить бесов.

Измученный непривычной работой, Сандал отставил в сторону очередной ровдужный кусок. Ох, сколько же слов в языке саха! Да и в любом другом. Жизни не хватит, чтобы всякое оснастить клеймом и сохранить в памяти... Но постой-ка: нельгезидский торговец, открывший второе женское имя домма – Книга, назвал закорючки в ней «костями словес». Ньика же когда-то нарекал знаки спящими звуками. Верховный не смог их пробудить. «Кости» слов застывшего домма могли бы облечься чувствами, как скелет – плотью, могли бы ожить голосом человека, но для этого нужно было знать разговорный язык алахчинов. Выходит, узоры надо придумать не для слов, а для их звуков!

Сандал окурив ровдужные листы и уголек можжевельновыми ветками. Подвинул к себе лоскут и начал молиться. Всегдашняя молитва, каждое слово которой он чувствовал с биением тока в крови, падала на лист, медленно отражая звуки в нерешительных узорах. Сандал стирал их, вычерчивал новые, находя наиболее верные.

– С того дня, как впервые узнал высочайшее Имя Твое, мое сердце любовью к Тебе возгорелось, о Белый Творец!

С удивлением понял он, что некоторые звуки довольно часто повторяются. Их в языке народа саха, как ни странно, оказалось немногим больше двадцатки.

Скользкий, посвистывающий звук «сэ» на слух напоминал кусочек сала. Сандал почти забыл его восхитительный вкус, но память подсказала знак: стрелку с полукружьем сверху, словно язык, в наслаждении прижатый к нёбу. Звук «а-а» слышался эхом – кудрявой, в две волны, линией-трелью. Жрец засмеялся, начертив знак для звука «э-э» – частицы словесного недоразумения, что пересыпала речь Балтысыта. Старый коваль не узнает, что некоторым образом послужил изобретению тавра, похожего на молот...

Долго размышлял жрец над звуком «тэ». С него начиналось подлинное Имя Белого Творца и слово «любовь» на языке людей саха. Любовь, одно из самых глубинных чувств на Земле.

– Танг-Ра, – прошептал в благоговении Великое Имя и вздрогнул. Ох, вырвалось непроносимое вслух! Оглянулся в страхе: вдруг да подслушивает какой-нибудь злокозненный дух, закравшийся в юрту? Достал всунутый в изголовье лежанки дэйбир, помахал вокруг себя, отгоняя возможную нечисть.

Вспомнился знак, что чаще других повторялся в домме алахчинов. Сандал нарисовал его – знак-око. Две капли входили одна в другую, образуя посередине круг. Для звука, открывающего суть священных слов, этот знак показался самым подходящим. Полюбовался им, рассматривая под разными углами. Капли будто дышали и жили, смотрели и видели. Перетекали одна в другую... Это был самый красивый знак.

К вечеру следующего дня жрец перебрал звуки знакомых слов и всем придумал красивые тавра. Чтобы запомнить лучше, тщательно переписал наново на чистую ровдугу. С белой кожи восходили к нему, оживая с его же голосом, слова молитвы. Не спуская с лоскута придиричивых глаз, Сандал вытер испорченными обрывками выпачканные углем пальцы. Собранные вместе, заклеянные звуки представляли собой не виданный доселе рисунок-тайну. Не верилось, что сам измыслил эту сложноузорчатую рукопись.

Но сколько сможет сохраняться начертанное углем на ровдуге? Кожа, береста, кость – все преходящее, тленное, все поддается плесени и гниению... На чем сохранить письмена?

Охрой были нарисованы человечки на священном Камне Предков. Эти изображения не смазались в осуохае весен. Только ветра немного обтесали, вышелушили скальную породу, не столь однородную, как поверхность Каменного Пальца. Великан-утес почти глянцевитый и светло-серый... Сандал виновато глянул в окно. Который день Каменный Палец укоризненно маячил в окне: где же ты, озаренный, где твои восходы?

Жрец мгновенно забыл о восходах и упреках.

Если Дилга записывает истории жизней на прозрачном камне Коновязи Времен, почему бы не поверить историю Элен Каменному Пальцу? Утесу, который ежедневно смотрит на долину, знает в ней всех и вся, а главное – способен пережить множество множеств человеческих колен! Камень тверд, но не настолько, чтобы нельзя было выцарапать на нем слова. Для верности можно вогнать в знаки охру либо попросить Урану растереть другую, самую прочную краску. Тогда домм не исчезнет.

Безудержная радость обуревала жреца. В руки попало невиданное сокровище, его можно было подарить всем! Раздавать каждому человеку завтра, месяцы, годы – всегда, и этого сокровища не убудет, покуда теплится Сюр Сандала и мысли светлы. Ах, почему предназначение не пришло к нему раньше! Времени жизни осталось до обидного мало. Успеет ли завершить книгу? Впрочем, записывать домм после смерти главного озаренного смогут все остальные. Места на утесе хватит, как и времени позаботиться о том, чтобы жрецы научились читать и выводить узоры письмен.

По прошествии неисчислимого времени, когда от Элен с ее теперешними жителями не останется и воспоминания, далекие потомки воинов и мастеров найдут Каменный Палец. Они

прочитают историю этой красивой долины. Они будут умнее Сандала и, может быть, даже мудрее Ныки. Сумеют прочесть. Время станет совсем другим, но люди, пришедшие взамен праотцев, поймут, что хотели поведать им предки, о чем силились предостеречь. Древний домм поможет искушаемым постигнуть опасность соблазнов, а отчаявшимся подарит надежду. Скажет им, что вера в Белого Творца и добро всегда побеждают. Ведь добро и есть Сам Творец.

– Все на Земле сложено из живой плоти, – пробормотал жрец. – Живая плоть видит в Ёлю свое уничтожение. Однако же со смертью ничего не исчезает. Смерть лепит из праха Круг жизни. Воссозданная плоть обретает возможность новых радостей и наслаждений, терзаний и боли... Вот в чем бесконечное могущество Орто. А древнее вещество, из которого склеен Нижний мир, способно лишь поглощать, ничего не рождая. Бесплодно лишенное Сюра.

Сандал продолжал говорить, заноса в юрту дрова. Он бубнил, строя из них в очаге расчтливую лежку для духа-хозяина, чтобы не слишком разгорался.

– Высокие боги правят Срединной землей... Демоны вылезают сюда из бездны... А человеку, если он не волшебник, в иные миры не проникнуть.

Он говорил между торопливыми глотками, запивая жидкой сметаной жесткие комки творога.

– Границы небес опускаются к приподнятым окаемкам земли. Бахромчатые концы трутся друг о друга и скрежещут, как зубы грызущихся жеребцов. Тому, кто посмеет сунуться в щель Вселенной, в песок перемелет кости.

Выстругивая удобные палочки вместо крошащихся углей, обжигая их над огнем, он разговаривал сам с собой. Останавливался, размышлял и говорил дальше.

– Богов я опишу складом молитв.

– А каким языком описывать бесов? Не певучим же, не цветистым, каким разговаривают добрые земные духи!

– Да, но я понятия не имею в грязном бесовском языке, что переворачивается на Орто наизнанку.

– Лучше не тратить на чертей мои драгоценные знаки, а пометать нечистых, наподобие коровьего рога, кривой стрелкой острием вниз. Сказывать о них обыкновенной разговорной речью...

Каменный Палец снова встретил одинокий восход. В этот раз Сандал даже из юрты не вышел. Закрывая глаза, он воочию видел освещенный солнцем высокий белый домм. Книга говорила устами стоявших внизу людей.

Знаки начнут бег слева направо с движением Солнца. Ряды их направлятся по закону ытыка и вечного Круга снизу вверх, ибо человек по тому же закону стремится ввысь из сегодня в завтра.

Жрец с отчаянием глянул на руки, увитые узловатым вервием сизых вен. Много ли клейм смогут вколотить в скальную твердь его слабые кулаки? Не удержат тесло с молотком дольше времени варки мяса в горшке. Тем более когда домм начнет подниматься все выше и выше! Придется упросить Тимира выделить людей, наторелых в борьбе с камнем.

Сандал расстелил на столе новый лоскут. Вот как работа пойдет: он станет писать домм на ровдуге и передавать мастерам, а те примутся выдалбливать узоры по кругу Каменного Пальца, срисовывая с заготовок черточка к черточке. Кузнецу, равнодушному ко всякому искусству, понравится затея главного жреца.

Выяснилось, что сочинять книгу невероятно трудно. Но Сандал упрямо лепил друг к другу знаки, творя слова. Облекал кости плотью. Начало домма появилось на перемаранном обрывке после невообразимых мытарств и исправлений:

«Взойдя по-осеннему поздно, солнце поторопилось бросить на Срединную землю лучи-поводья. Солнечная дорожка протянулась поперек Большой Реки от широкого берега Эрги-Эн до противоположной долины Элен, замкнутой неприступной стеною причудливо сбитых

утесов. За крутым каменным мысом непосвященному трудно приметить тихий залив, прячущийся в изгибе. Чуть ниже под прикрытием елового перешейка в бабулику-реку впадает горная речка Бегунья. От залива до Элен всего один пеший кёс. Чужаки, прибывшие сюда впервые, удивляются здешним просторам. Привольно раскинулись в озерных аласах усадьбы шести аймаков, самое крупное по Большой Реке обиталище племени саха – людей с солнечными поводьями за спиной».

В конце каждой фразы жрец рисовал кружок, завершая ее. Круг, известный знак бесконечности, был здесь уместен, как конец одной фразы и рождение другой.

«Есть в этих славных местах все, чем только может похвалиться Великий лес-тайга – от высоченных лиственниц, какие редко где встретишь, до горячих ручьев. А если говорить об эленцах, потомках божественного коня Дэсегея, то хоть от луны до луны сказывай о доблестных ботурах, певцах-сказителях, искусниках по всякому ремеслу и просто добрых людях – не поведаетшь и половины».

Сандал вспомнил о рассказанном дедом Кытанахом сражении с гилэтами, которые нарушили мирную торговую сделку.

«...Говорят, когда народ прощался с погибшими, прогремел гром и знак молнии выступил на правых щеках мертвых героев. Это конь Дэсегей скакал по полю, горюя о своих детях и помечая их светозарными следами славы, а за спиной его развевались огненные поводья. С тех пор Хозяйки Круга, носительницы земных тайн и горшечного ремесла, начали вырезать на правых щеках воинов знаки памяти о битве с гилэтской армией. Молниеносными называют витязей Элен из-за белых зигзагов рубцов на смуглой коже».

По привычке Сандал каждое утро отмечал дни на пластинке отсчета времени и однажды сообразил, что пошел девятый день его затворничества. Ахнул и опять обо всем забыл. В долгой своей жизни он не видел ничего более значительного, чем эти исписанные углем ровдужные обрывки, освещенные рассветным окном.

«Под исполинским ликом за молодой сосной и большим валуном неприметно чернела пещера. Вот туда-то, продираясь сквозь бурелом, через груды острых булыжников и дробленый сыпун, устремилась изнемогая от боли и усталости жена багалька...»

Жрец страшно устал, но снова и снова вчитывался в тени слов, потаенные в угольных штрихах. Меняя голос, попробовал пробудить их к звучанию.

Оживлять слова от имени других душ доставило неведомое доньне удовольствие. Сандал пел то густо, раскатисто, рокочущим басом, то проговаривал кругло и мягко, как женщина, или шепелявил по-стариковски.

* * *

Чуть удар от стыда не хватил! Сандал увлекся так сильно, что не услышал шагов на пороге. В самый проникновенный миг, когда он нежно, как ему казалось, ворковал, подражая голосу покойной Нарьяны, отворилась дверь. Вошел Абыр.

– Прости, что думы твои нарушил, – сказал костоправ без положенного пожелания благословенных дней. – Люди говорят, главный жрец нигде не показывается, на Каменный Палец не всходит. Спрашивают: «Не заболел ли?» Поневоле пришлось потревожить. Малый сход отправил разузнать, что с тобой случилось. Отчего ты воинское Посвящение пропустил и даже на праздник сегодня не пришел?

– Какой праздник? – еле вымолвил Сандал, загораживая спиной стол с раскиданными лоскутами.

– Пир в заставе. В самом разгаре торжество.

– Торжество?.. – Сандал никак не мог взять в толк, о чем идет речь.

– Ну да. – Абыр в нетерпении мотнул головой. – Воинский праздник и медвежьи похороны... Забыл?

– Не забыл, – буркнул Сандал. – Бывают дела поважнее праздников. – И сердито выпрямился, давая понять, что младший жрец перешел за грань дозволенного.

...Вечер был не по-весеннему темен. Абыр бойко лопотал без остановки. Сандалу претила неожиданная разговорчивость костоправа, обычно въедчивого и угрюмого. Затем понемногу вслушался, и наконец доперло, что Посвящение в ботуры прошло без него, главного жреца. Багалык объединенной дружины Бэргэн и старейшина Хорсун начали испытания на следующий же день после звездного сна – битвы шаманов с Юргэлом.

Озаренные, как всегда, подготовили к Посвящению большой круглый алас, огороженный изгородью у священного Камня Предков. Очистили место костром из битого молнией дерева, окружили поверх изгороди жертвенной веревкой с игрушечным оружием.

Сердце Сандала сжалось в обиде: а его не позвали даже переводить! Пригласили Эмчиту... Махнул рукой на обидчивые мысли. Пусть не о нем говорят, что он из людей, которые лезут к другим со словом «подвинься». Знахарка знает больше языков.

Дед Кытанах когда-то рассказывал, что на старинных Посвящениях будущих ботуров подвергали особым испытаниям. Вначале за парнями гнались искусные воины с деревянными болотами. Если Хозяйки Круга находили синяки на чьем-нибудь теле – значит обучение не пошло впрок. Круг за кругом слабаки безжалостно отсеивались.

Хозяйки придумывали хитрые преграды. Пробриться через них было сложнее, чем сквозь толщи к исподу Земли. И лучшие парни не выказывали страха! Бестрепетно пересекали ров, полный горящих углей, отважно ныряли в выстуженный к осени залив Большой Реки, доставая со дна брошенные Хозяйками батасы. Вынырнув, увертывались от пущенных стрел, а кто-то и руками ловил. Стрелы были деревянные, но вполне могли ранить.

Потом парни бежали в лес и не хуже белок порскали по деревьям. Упадешь – угодишь в прикрытые дерном и ветками ямы. По чистым тропам отрядники пускали зверей. Нарочно держали для Посвящения диких оленей в загонах. Испытуемые прыгали с батасами на спины ветвисторогих и заваливали их, а если промахивались – должны были изловчиться настигнуть. Сражались сразу двумя мечами. Умели оголить деревянное пугалище, вмиг разрезая на нем остриями наброшенную ветошь, и не касались «тела»!

В конце раскаленных испытаниями новичков погружали в чаны с холодным молоком, подобно тому как в кузне поступают с горячими клинками. Молоко, говорил Кытанах, вскипало от жара молодых тел. Обручи чанов не выдерживали лютого бурления, в стороны разлетались!

Старец, конечно, любитель приукрашивать свои истории, но и те Посвящения, которые довелось видеть Сандалу, всякий раз чем-нибудь удивляли.

По словам Абыра, нынче тоже особинок хватало. Показали себя, кроме парней саха, чужаки из племен Великого леса, а еще девушки из отряда Модун. Широкий алас еле-еле всех поместил. Развернулось как никогда великое в числе войско!

Пробу огнем почти все одолели без ожогов. Прыгали через костры и сразу – в водопады Бегуны. Да не голышом ныряли, в тяжелой одежде! Миновали огонь и воду – пришла пора воздушного испытания: перебирая руками ремни, двигались от одного края оврага к другому. Пусть овраг не бездонная пропасть, а страшно было смотреть!

В боевом противоборстве отряд Модун обнаружил недюжинное мастерство. Большинство других тоже не уронило чести своих племен. Хозяйки Круга сравнили крепость и гибкость будущих ботуров с сыромятом, который можно разрезать, но не порвать.

Равными предстали новички в стрельбе по ближним и дальним мишеням, установленным с обеих сторон по ходу коней. Мысли не поспевали за стрелами... Ох, и густая же пыль поднялась! Солнечный полдень в глазах померк. В хапсагае ли, в метании топоров, бою с бата-

сами и мечами было на что глянуть. Вот в верховой езде кочевники оказались не столь проворны. Ну, то понятно – больше к оленям привычны. «Модунцы» же, как народ прозвал учеников воительницы, мало не на головах в седлах стояли. Под брюхами у коней на полном скаку лазили, кувыркались над конскими круппами!

Небывалое Посвящение вышло – почти все получили из рук Хозяек Круга колчаны с девятью стрелами.

Старухи не стали портить шрамами лица девчонок. Спросили парней из чужих племен – метить ли их знаком-оберегом. Те почему-то пожелали быть отмеченными.

– Теперь не поймешь, кто в войске эленец, кто пришлый, – заметил Абрыр с досадой.

Возле заставы с купы деревьев капала кровь. Видно, новопосвященные забросили мясо на вершины.

В старину сонинги съедали вражеские сердца и печень. А воины саха вздевали на копья и приносили в жертву Илбису. По мирному обычаю на пиру Посвящения юные ботуры радуют кровавой плотью ворон. Конской либо оленьей...

На поляне у крайнего мясного подвала носилась кучка малышей. Играли в войнушку. Один мчался с суковатой палкой, другой пытался словить ее на лету волосяной веревкой с петлей. Остальные, вопя, бегали за ними. Тот, что с палкой, остановился и все попадали. Приметив взрослых, маленький герой забрал у второго аркан и начал громко хвастать умением кидать его удавкой, изручь и внакидку. Дети наступали ватага на ватагу, подражая взрослым и подзуживая задор боевой бранью:

– Мышцы у меня напряглись – предвещают резню!

– Пресечем ваше белое дыхание, шелудивые псы!

– Руками кадыки раздерем!

Странно и страшно было слышать такие угрозы из детских уст. Что делает с людьми война, даже если ее еще нет, а только на подходе!

Подростки вынесли из подвала завернутое в бересту мясо лесного старика. Близился разноголосый гомон пира.

– Последние куски мясовар требовал, – пояснил Абрыр. – Как раз мы к концу праздника подоспели... Да, забыл сказать: не дождавшись тебя, сход раздал медвежьи подошвы семьям с новорожденными.

Сандал кивнул. Правильно сделали, зачем ждать. Ступня лесного старика – один из сильнейших оберегов. При жизни зверь мягко обтекает подушечкой лапы ветки, глуша треск. Вот так же, не пугая младенца, лапа бесшумно, но тяжело наступает на руки бесов, что тянутся к ребенку оттуда-отсюда. Злобные твари улепетывают в страхе, если еще умудрятся выскользнуть из-под грозного берега.

– Шкуру Хорсуну вручили. – Костоправ кисло скривился, будто в рот ему попала ягода красной смородины. Явно сплетку вить вознамерился, и точно: – Долгунча вызвалась вымять. А что этой певунье – одна, времени куча и...

– Медвежью шкуру, сам знаешь, не мнут, – холодно перебил Сандал. – Только дымят.

В золотисто-рыжих сполохах кострищ из соснового сушняка мельтешили причудливые тени помощников Асчита. Одни ворочали мясо в котлах деревянными вилками с длинными ручками, другие крутили рожна с сочно дымящимися оленьими окороками.

Костров горело столько же, сколько теперь было в Элен племен. У людей саха и луорабе рыжеволосый дух-хозяин – дедушка, у тонготов и нгамендри – бабушка, у одуларов – матушка. Но во всех племенах огонь рода хранят женщины, у всех он – дитя Солнца и кровь его. Дымом священного пламени очищается кровь человека, а в родовом мщении пролитая кровь искупается огнем же и кровью.

На дереве у среднего костра висела голова медведя. Глаза лесному старику выкололи, чтобы не видел, кто его ест, только слышал. Голову сварят напоследок в топленом жире. Потом

соберут все кости с очищенным добела черепом и сложат скелет в колоду. Должно быть, в лесу изголовьем к северу заранее сладили арангас.

– Кух! Кух-кух! – раздавалось с просторного двора Двенадцатистолбовой. – Кух-суох! Суох-кух!

Люди с горестными лицами угощались нанизанными на палочки кусками мяса. Поговаривали, что медведь некоторое время шатался по окрестным лесам. Потом опять залег, не успев жир спустить. Доброе мясо отдавало смолисто-масляным духом кедровых орехов. Едоки не забывали, взмахивая руками, громко славить удачу:

– Ку-ух! Ну и повезло же нам, воронам!

– Ка-аг-р! Кто-то щедрый добрую поживу голодным птицам оставил!

Толковали о покойнике хорошо, оплакивая его печальную душу. Обильно поглощали поминально-праздничную снедь, расставленную на шкурах. Праздник есть праздник, одной медвежатиной такую прорву людей не накормишь, поэтому эленцы порядком опустошили свои подвалы, а кочевники забили больше десятка оленей.

В одном месте сгрудилась толпа. Народ с почтением наблюдал за старейшиной местных тонготов. Невозмутимо двигая железной челюстью, тот жевал сырые олени сухожилы. Рядом сидела красавица дочь. Близнецы Силиса несли привычную стражу. На лицах парней краснели свежие молнии-шрамы. Братья мрачно подозревали, что блеск вставных зубов отца Самоны – не главная причина неумолчного интереса толпы. Слишком уж много восторженных мужских глаз в ней мелькало...

Среди чужаков, возвышаясь на три локтя, пировали четверо великанов. Сандал с изумлением заметил рядом с ними людей с узорными лицами, облаченных в крашеную красной охрой одежду.

Поймав взгляд главного жреца, костоправ желчно шепнул:

– Хориту с шаялами приبلудились. Хорсун поговорил с ними и допустил к столу. Бэргэн тоже не высказался против отринутых. Говорят, в войско принять пообещал.

Отринутыми в Великом лесу называли воинов, из-за какой-нибудь провинности выдворенных из дружин, либо забияк, изгнанных родом. Чаще всего это были отборные люди. Задиристые, шустрые, они хорошо знали языки здешних племен. Бродили повсюду маленькими кочевьями, предлагая свои услуги тем, кто нуждался в ратной помощи. Охотились, рыбачили, не брезговали грабежом в одиноких аймаках. Болтали о них и как о ходоках-лазутчиках, отправленных на поиски новых земель, годных для заселения... Значит, кучка подобных удалцов прибилась к Элен.

Шаялы вкушали начиненные мясом и корешками гусиные желудки. Черпали их, чуть протухшие для остроты, полными пригоршнями из глубокой мисы. Смачно чавкали набитые лакомством рты. Душистый желтый жир окатывал мощные подбородки, капал на орлиные позвонки и волчьи клыки, висящие, как бусы, на шеях. Громко сопя, великаны облизывали толстые пальцы. Хориту опрятно отрезали хрусткие кусочки от ломтей печеного оленьего мозга. Жевали молча, без хлюпа и причмокивания. Лишь затейливо подергивались черные власяные узоры на блестящих щеках. А блестели щеки потому, что хориту всегда смазывают лица салом.

Верзилы и «красные», как в Великом лесу зовут людей хориту из-за их пристрастия к красному цвету, без утайки пялились на Самону. Местным не нравилась эта дерзкая откровенность. Сандал расслышал, как кто-то из юных молниеносных, отпив из братины глоток кумыса дружинного родства, негромко сказал:

– Экая жалость – не разглядеть девушкам в темноте багровых одежд и красы смуглых лиц с черным узором.

Воин хориту, с веселой сумасшедшинкой в глазах, немедленно отразил подковырку на языке саха:

– Впрямь большая забота, да бывает и больше: как бы нам в темноте не спутать с мишенями чьи-нибудь белые шрамы на лицах...

Жрец покачал головой: напрасно дозволили волкам войти в медвежью берлогу. Отошел, оставив за спиной бурно негодующего костоправа.

Не так давно и Сандал бы сердился громко. Может, возмущенный, побежал бы искать Хорсуна. Но сегодня подобные мелочи не вызвали прежних волнений. Зря он сюда пришел. Жрецы, будто бы потерявшие главного, не искали его. И он их не видел. Докучный Абрыр! Душа просилась домой, к тому, от чего замирало сердце, что было неизмеримо выше этой суеты и о чем – единственном – вдруг страстно захотелось сказать Хорсуну.

Но где же он? Сандал словно вынырнул из забвения: а ведь не видно не только озаренных и багалыка. Нет ни Тимира, ни остальных аймачных.

Жрец наудачу поспешил к юрте Хорсуна.

Из полуоткрытой двери доносился приглушенный говор. Малый сход собрался здесь без чужих. Сандала встретили радостными возгласами, поднимая его обиженный дух. Но услышал новости и похолодел.

Пока шел пир, неизвестный враг подрезал в Двенадцатистолбовой тетивы на луках и утащил меч Быгдая. Никто не знал, когда это произошло. Обнаружил пропажу сам отрядник, а после узрел в темноте и попорченные луки. Вот уж не везло ему с мечами! Первый болот предал – поразил друга Кугаса. Теперь второй достался врагу.

Кинув на багалыка взгляд, полный упрека, Быгдай объяснил:

– Сегодня нам велено было оставить оружие на столбах. Дескать, праздник, нечего людей пугать. Все, кроме стражи, безоружные были.

Посторонних эленцы ни о чем извещать не стали. Перед лицом прямого коварства они внезапно почувствовали сплоченность и недоверие к пришлецам. Сандал рассказал-таки об опасных шутках, которыми молодые ботуры обменивались с отринутыми воинами хориту.

– Эти молодцы постоянно на виду, – возразил Хорсун. – Кто тебе наплел, что они из отринутых? Парней послали их старейшины. Предупреждают, что скоро к нам на подмогу придут большие отряды с верховий. Ведь хориту, шаялы и другие окраинные народы Великого леса пострадают следом за нами, если мы потерпим поражение.

– В сумятице не разберешь, у кого лисьи глаза, – сокрушенно вздохнул Быгдай.

Аймачные заспорили:

– Незачем было пир в такую пору устраивать!

– Пир ни при чем. Чужаки все равно бы потом навредили.

– Может, это не чужаки.

– Из наших, что ли?

– Мы так и не выяснили, кого прикрывала девчонка Лахсы...

– И оборотня не нашли.

– Что непонятного: Йор пил коровью кровушку!

– Олджуна?..

Рядом с Сандалом гневно задышал Тимир. Но тут в дверь кто-то заскребся, и Хорсун крикнул:

– Кто там, входи!

Опустив голову, зашла Долгунча.

– Н-ну, что еще?

Вопрос старейшины тяжким грузом повис в напрягшейся тишине.

– Медвежью шкуру украли, – всхлипнула певунья. – Которую я для тебя продымить взялась, багалык... Повесила ее на изгородь. Думала, после пира прибью к стене для сушки. Пришла, а ее нету. Искала всюду...

Не успели люди огорчиться, что ко всему и обычные воры в Элен объявились, как дверь с шумом распахнулась. Сама не своя, забежала Лахса.

– Илинэ исчезла! – закричала женщина, ломая руки. – Нигде не смогли найти! Похитили солнце моих глаз! О, что же мне делать, что делать?! Хорсун, у тебя власть, ты – старейшина, помоги...

Голос багалыка, острый, как батас, с маху перерубил вопли женщины:

– Теперь мы знаем, кто подрезал тетивы на луках и забрал меч!

...Жрец почувствовал себя так, словно проглотил что-то тяжелое, жгучее, отчего в груди заполыхало огнем.

В юрте было тихо. Люди не смели слова молвить. Потом Лахса, до которой не тотчас дошел смысл сказанного, яростно крикнула:

– Не знающий отцовства... Пусть отсохнет твой поганый язык!

Выбежала, хлопнув дверью. Сразу же ушел и Сандал.

* * *

По дороге домой жрец дал крюк и завернул к Скале Удаганки. Илинэ не было в пещере. Сандал прикрыл глаза, чтобы не видеть кобылицу, почему-то не мог смотреть на нее. Плелся к себе, едва переставляя ноги, – тело превратилось в сплошное дрожащее сердце.

Отосут после рассказывал, что молниеносные до утра прочесывали окрестности. Сын воительницы Болот пядь за пядью обыскал жреческую гору со всеми ущельями и пещерами. Узнав, что Хорсун обвинил Илинэ в измене, парень едва не вызвал багалыка на поединок. Не лучше повели себя и Дьоллох с Атыном... Шума хватило.

В конце концов к старейшине заявила слепая Эмчита. Неизвестно, о чем уж знахарка беседовала с Хорсуном, но он смягчился. Вызвал парней, не поминая дерзости. Долго секретничал с ними. На другой день собрал чужих старшин и отдал распоряжение допросить всех. А зря пришедших потревожили. Напрасно силились найти очевидцев возможного преступления и выведать о чьих-нибудь тайных грешках, только обидели многих.

Отряд Модун тщетно искал девушку почти седмицу. Кто-то обнаружил следы недавнего пребывания людей у Диринга. Там могли скрываться похитители, а могли и какие-нибудь любознательные мальчишки, наслышанные сказок о чешуйчатой ящерице Мохоуло.

Говорят, Болот, ныряя день за днем, измерил глубину гиблого озера, которое все еще не полностью освободилось ото льда. Обшарил дно всех местных водоемов, прошупал топи и мари. А названные братья Илинэ наведались в соседние аймаки, на левый берег Эрги-Эн и продолжали поиски в горах...

Шаманы, утомленные звездной битвой, были не в силах помочь. Их предводитель покуда запретил всякое применение чародейства. Волхвы каждый день собирались в восьмигранном доме и слушали хомус Долгунчи. Она подбирала песни, подходящие к их нравам, чувствам и настроению. Целебные звуки вызывали предков, и песни древних душ лечили кудесников, вселяя мощь и уверенность в издержанные джогуры. Недаром есть присловье: «Возьми хомус, если лекарство не помогает».

Эленцев возмущало равнодушие шаманов к исчезновению Илинэ. Пришедший же народ рассуждал: «Жаль девуцу, но что значит одна ее судьба, когда опасность угрожает всем? Тут, того и гляди, Земля вот-вот в клочья порвется! Может, эта красавица познакомилась с кем-то на летнем базаре, сговорилась с возлюбленным, а теперь сбежала. Неразумно до времени расходовать на безделицы потускневшее волшебство».

Нивани попытался было уйти от шаманов к друзьям – не получилось. Предводитель, несмотря на собственный запрет к чародейству, наложил на молодого ныгамендри сильнодей-

ствующее заклятие. Ноги Нивани отказались идти куда-либо помимо своего чума, поставленного неподалеку от восьмигранной шаманской юрты.

Разгневанный Сандал помчался к предводителю. Дальше порога жрец не смог ступить – перед лицом встала невидимая стена. Хозяин сидел у очага спиной к входу. Не ответив на приветствие и не оборачиваясь, мягко спросил:

– Ты нашел, что искал?

– Ты нашел? – прогремело откуда-то с западной балки.

– ... что искал, что искал? – взвизгнули железные петли двери. Закрываясь, она вытолкала Сандала наружу.

– Да... кажется, – просипел Сандал в дверную щель. Голос перестал ему повиноваться. – Да, я нашел. Но потерял другое.

– Птаху? – сочувственно осведомились сзади.

Вздвигнув, жрец оглянулся.

– Илинэ жива, – донесся голос шамана из-за двери, и щель затворилась.

По Элен пополз слухок, что Йор, погубивший баджу Тимира, водворился в тело Илинэ и улизнул на север.

– В кого же мертвому духу вселяться-то было, как не в родную сестрицу Олджуны, – сказал Абыр на общем обеде озаренных.

Отосут, непривычно сумрачный в последнее время, чуть не полез на костоправу с кулаками:

– Молчи, ты, любитель погреть язык у чужого лиха!

Пришлось Сандалу прикрикнуть на обоих распоясавшихся, унимая учащенный бой в своей груди.

– А народ-то с северо-востока все прибывает, – осторожно заметил жрец Эсерехх. – Нагрянули с семьями старшие дети Лахсы. Живые вроде, здоровые...

Сандалу уже рассказывали, что ни приезд детей, ни радость впервые увидеть внуков не помогли выздороветь Лахсе. Крепко захворала, и мало того что слегла, горе затронуло ее рассудок. День и ночь несчастная кричала и плакала:

– Я – слезинка, выплаканная бедой! Я – стон из вопля всех матерей! Где моя дочь? Где моя дочь?!

Не допуская к жене старших дочерей, за нею ухаживал Манихай. Только от Ураны изредка принимал помощь, да варил снадобья по советам Эмчиты и Отосута.

Сандал передал с травником то, что кое-как удалось расслышать из дверной щели юрты предводителя шаманов. Всего два слова: «Илинэ жива». Но когда Манихай сообщил их Лахсе, женщина перестала кричать. Хоть немного стала спать и есть. По утрам, хватая мужа за локоть исхудалой рукой, с надеждой спрашивала:

– Илинэ жива?

– Илинэ жива! – отвечала себе радостно, прежде чем он успевал рот раскрыть. Кроме этих двух слов Лахса больше ничего не говорила.

Сам больной от терзающих дум, Сандал несколько раз порывался отправиться к Хорсуну с признанием и не пошел. Что бы это изменило? Разоблачением тайны рождения девушку не вернуть. Жрец вдруг уразумел, что вина перед багалыком и его дочерью живет в нем отдельно от самой Илинэ.

Новорожденная, в чью судьбу Сандал вмешался из низкой мести, давно пробудила в его душе противоречивое чувство, схожее с чувством родства. Словно он, давший крохе имя, был ей кем-то вроде негласного деда. Он ведь украдкой следил за тем, как растет ребенок. Как из смешной кудрявой девочки превращается в красавицу. Он испытывал горячую причастность к судьбе Илинэ и гордился ее большим джогуром. Она была его тайной внучкой... Его птах.

Ревнуя к багалыку, он одновременно возмущался отношением отца к дочери. Втайне, втайне! Тогда-то и саднила, тогда и сокрушала вина...

Теперь жреца отягощало покаяние еще и перед Лахсой. Не выкорми нянька приневоленное дитя, не прикипела бы сердцем, беды бы не знала. Все это с беспощадностью обрушилось на Сандала, когда с потерей Илинэ в его собственном сердце образовалась обвальная пустота.

Всходя на Каменный Палец, жрец не приветствовал и не озирали долину. Не смотрел вниз. Страшился углядеть с высоты в неприметной рощице, за деревом, под кустом мертвое девичье тело... Безотрадные восходы! Не было озарений. Лишь сойдя на землю, Сандал начинал спокойнее дышать и верить: птаха жива.

Совсем недавно чудилось, что сотворение Книги подарило немеркнущую радость. Но случилась беда, и выяснилось: нет для Сандала ничего важнее судьбы Илинэ. Даже Книга. Ощущение утраты точно недвижимым камнем засело между затеей и воплощением домма. Пресек чужие пути, встал людям поперек дороги – и ударило так, что сам стал как месяц ущербный... О, Дилга, зачем дано человеку язвить и снестать повинной мыслью себя самого? Пустота изматывала и томила, заполняясь бессонницей и глухим отчаянием.

Помощь пришла к Сандалу с неожиданной стороны. Однажды взор его вновь отважился скользнуть к Скале Удаганки. Каменная старуха напомнила ту, что на камлании выглянула из созвездия Колоды, и неуловимо – знахарку Эмчиту. И вдруг скала позвала Сандала.

...Он век был готов стоять перед крылатой Иллэ. Наглядеться не мог. Особенно притягательным было выпуклое живое око предводительницы небесных удаганок. Повернулось светящейся гранью и в душу заглянуло.

«Домм-ини-домм, – пело оно на разные голоса. – Домм-ини-домм!»

Других слов в призрачной песне не было. Рокочущие, гулкие, нежные голоса взлетали все выше, а мир вокруг делался ярче. Песнь придавала ему такие сочные, лучезарные краски, каких жрец на Орто не встречал. Высоким водопадом хлынули сияющие струи звуков, божественные, беспредельные...

Сандал со всей страстью уверился: Дилга может играть судьбами детей долины, но их жребия богу-загадке не изменить. И все будет хорошо. Все будет хорошо с птахой. Хорошо – с Элен. С ним. С Книгой.

Краски и звуки вытеснили зябкую пустоту, заполнили мысли новыми словами. Их нужно было срочно записать, пока не пропали. Дрожа от нетерпения, жрец поспешил в гору.

В тот день Сандал рассказал о домме жрецам. Они пришли в восторг и немедленно изъявили желание выучить знаки. Он показал некоторые из них. Потом, прихватив с собой рулон исписанной ровдуги, сошел к мастерам.

Он предполагал, что Тимиру по нраву придется новость о Книге, но и помыслить не мог, насколько она потрясет и воодушевит всех кузнецов. Тимир, плавильщик Кирик, молотобоец Бытык рассматривали ровдугу со всех сторон, прикасаясь к ней с благоговением, как к чему-то волшебному.

Тимир оглянулся на сына, и Сандал заметил – боль мелькнула в беглом отцовском взоре. Паренек был угрюмым, осунулся и потемнел лицом. Казалось, его трудно чем-то утешить. Но и он отвлекся от непреходящей скорби от потери сестры. Потухшие глаза вспыхнули радостью и восхищением...

Коваль Балтысыт почтительно тронул уголок ровдуги заскорузлым пальцем и воскликнул:

– Э-э... О-о! Ну и ну! Да! Да-а, это так!

– Ты сотворил чудо, – высказал Бытык то, что имел в виду его старый друг.

Мастера с жаром принялись обсуждать и прикидывать, как лучше разместить знаки на Каменном Пальце, кому доверить столь ответственное дело.

Кто-то из мальчишек успел стогнать к другим умельцам. Возле верстака с расстеленной ровдугой столпились швеи, красильщики, плотники... В заблестевших глазах людей жрец увидел воплощение своей мечты. Увидел, что она, разрастаясь, становится великой и общей.

* * *

Юрту Сандаля посетили Хозяйки Круга – единственные женщины, которым позволялось бывать в селенье жрецов.

– Настала пора показать людям чашу с беззвучными доммами, – торжественно сказала Вторая Хозяйка, водружая на стол обычный горшок.

Не будь посудина сплошь покрыта знаками, она бы ничем не отличалась от горшков с веселым солнцем в боках, что исстари лепили Хозяйки.

– Мы получили ее от прежних горшечниц, а те от предыдущих, – продолжила Третья. – В чаше хранится горсть обетованной земли-матери Алахчины. Такое имя – алахчины – носили первозданные люди нашего племени. Когда они пришли сюда впервые, здешняя земля была тонкой, а Большая Река мелкой.

– Алахчины?!

– Да, – спокойно подтвердила Вторая. – Древние предки народа саха, возникшие на Орто вместе с Солнцем, жили на юго-востоке. Ими управляли солнечные жрицы удаган, искусницы и чародейки. Волшебницы привели народ к праведной вере, единой с Небом и всем сущим во Вселенной. Но Черный бог, чьи весны неисчислимы, а имя невозможно произнести на человеческом языке, отправил в Страну алахчинов одного из ближайших приспешников. Вечного Странника, который бродит по Срединной земле для того, чтобы сеять вражду, пороки и зло. Он великий лжец и обманщик, целью его всегда было и есть обольщение людей и разрушение жизни. Темное имя демона известно – Дэль-Блияль, что значит «Ничто». В ничто, пустое и черное, как он сам, слуга Черного бога стремится превратить все вокруг. Может быть, это и есть тот самый демон, о котором говорила на сходе Эмчита.

Третья Хозяйка вздохнула:

– Он за короткий срок исхитрился истребить почти все население великой страны. Уцелевшие бежали. Множество колен сменилось в долгом пути. От народа осталось чуть больше двадцатки аймаков. До северных мест добрались девять родов, а в Элен осели шесть... Алахчины растеряли свою просвещенность, письмена, чистоту крови и даже язык. Теперь не узнать, какая его часть принадлежала им, а какая была привнесена сговором других племен. Эта чаша – все, что мы, потомки алахчинов, сумели сохранить с их тайной.

– Ну, еще Круг девяти священных заповедей и умение лепить чаши с солнцем в боках, – добавила Вторая.

– Мы были счастливы услышать о твоём желании написать домм об Элен.

– О том, что ты придумал письмена...

Поворачивая чашу в руках, Сандал жадно всматривался в тисненные знаки. Они снова живо напомнили ему первый день в селенье верховного Ньики. Сверху и снизу с четырех сторон сосуда смотрел на него знак-глаз.

– О чем здесь говорится?

Хозяйки недоуменно переглянулись:

– Мы думали, ты разгадаешь!

– Увы, – огорчился жрец, – мне неизвестны звуки алахчинской речи.

– Что же делать? – растерялась Третья. – Значит, мы открыли тайну не тому человеку?

– Я давно знаю об алахчинах почти все, что вы рассказали, – успокоил Сандал. – Прошу, оставьте пока чашу. С ней ничего не случится. Я попытаюсь найти ключ к загадке. А не найду, так верну вещь обратно.

Пряча разочарование, старухи собрались удалиться, но тут в юрту вбежала Айана. Лицо девочки было взволнованное, щеки горели. Встревоженный, жрец не стал порицать ее за нарушение запрета подниматься на священную гору.

– Мне сказали, что вы здесь! – выпалила она.

– Во-первых, добрые гости предупреждают о своем приходе, прежде чем войти, – холодно заметила Вторая Хозяйка. – Покашливают или, например, стучат в дверь.

– Во-вторых, гости приветствуют хозяев дома и сообщают новости, – сухо напомнила Третья.

Девочка начала сразу с новостей:

– А у нас кто-то лодку увел!

Чиргэл и Чэбдик только сегодня хватились лиственничной лодки. Она пропала из озера Травянистого. Болот отыскал какие-то отпечатки, вдавленные в берег мыса Большой Реки. Близнецы удостоверились: днище именно их лодки проскребло здесь песок. Изделие отца они бы ни с чьим не спутали. Нашлись и следы ног, но очень размытые.

– А рядом валялся клочок черной медвежьей шерсти, – всхлипнула Айана. – Мальчишки долго думали. Болот сказал, что Илинэ, наверное, шла домой с пира. Похититель подкараулил ее на дороге в том месте, где стоит юрта Долгунчи. Долгунча как раз повесила шкуру сушиться на изгородь. Этот человек схватил Илинэ, завернул в медвежью шкуру и унес в лодку...

– Значит, дочь Лахсы жива, – кивнула Вторая Хозяйка.

Айана прикрыла плачущее лицо локтем и задела чашу на столе. Не успели старухи вскрикнуть, как девочка придержала ее.

– Осторожно! – выдохнула Третья.

Шмыгая носом, Айана пробормотала:

– Не сломается, даже если упадет... У алахчинов обжиг крепкий.

– Что ты сказала? – насторожилась Вторая. – У кого обжиг?..

– У алахчинов, – повторила девочка. – Простите, Хозяйки, я не хотела вас обидеть. Вы тоже хорошо обжигаете горшки. Почти как они.

– Кто говорил тебе об алахчинах, Капелька? – ласково спросила Третья.

– Тут все сказано. – Айана ткнула пальцем в бок чаши.

– Так ты... знаешь?

– Что тут особенного? – пожала она плечом. – Чаша ведь у вас давно. Я разобралась в знаках, когда была еще маленькая.

Стараясь не показать, как он ошеломлен, жрец развернул перед девчонкой лоскут ровдуги со своими записями:

– А что начертано здесь?

– В оный век, когда подлунный мир был не толще, чем лося хребет, а реки играющий ручей мчался по песчаной борозде, удаганка старая жила, что лепила чаши с крепким дном, с яркими лучами на боках. Рода жрицы той никто не знал, имени теперь я не скажу, только имя лошади ее помнится – Крылатая Иллэ. Да осталась в памяти людей женщины диковинная смерть, ибо невозможно позабыть и за двадцать канувших колен, что тогда случилось на Орто.

Медленно, но без запинки произнеся слова, на которые Сандал потратил уйму времени, Айана подняла на него восторженные глаза:

– Ты сам придумал?

– Не совсем, – уклонился жрец. – Я просто записал.

– О-о, ты очень мудрый, – протянула она.

Третья Хозяйка уставилась на жреца:

– Так ведь это история горшечниц!

– Да, и возникновения созвездий, – улыбнулся Сандал.

Пока Хозяйки о чем-то молча разговаривали между собой, жрец решил схитрить:

– Ну-ка, проверим, Айана, правильно ли ты поняла смысл древних писем.

Вода вкруговую пальцем по солнечным бокам сосуда, она прочла:

– «Мы – алахчины. Мы жили в Пресечение на юге. Мы пришли в Пресечение на севере. Мы взяли себе другое имя. Взрывающее Землю нашло нас. Мы его уничтожили. Мир не погиб. Круг этого времени замкнулся. Человек! Следи за глазами ночи. Придет Взрывающее Землю. Сквозь Небесный огонь – Камень на него! Ключ огня – имя девятой ступени. Спасение мира – в удаган. Ее имя – главный путь Пресечения».

– Сплошные загадки, – вздохнула Вторая.

– Их ловко отгадывает Билэр, – заявила Айана. – Я раньше хотела спросить у него, о чем подсказывает узорная речь горшка, и забыла.

Сандал в задумчивости сжал подбородок пальцами:

– Пожалуй, у меня есть ответ на некоторые загадки. То, что алахчины называли Пресечением, – это, понятно, Перекрестье живых путей, то есть долина Элен. Имя Солнца на языках многих южных и восточных народов – Саха. Алахчины взяли себе имя «саха». «Глаза ночи» – звезды. Время пророчества, судя по всему, наступило. Но что значит «Взрывающее Землю»? Что за Камень и Ключ огня? Имя девятой ступени, вероятно, название последней ступени Лестницы Разума. Названия восьми известны, а с девятой сложно. У нее много имен: Виток Высшего духа, Божественный Смысл, Совершенство Великих... Знает ли кто-нибудь настоящее? А кто эта удаган? Жрица? Ни одна удаганка еще не появилась в Элен. Только шаманы. «Ее имя – главный путь Пресечения»...

– Путь – мое имя, – тихо проговорила Айана.

Хозяйки враз кашлянули.

– Я поняла одно: рано разглашать тайну, – молвила Третья. – Сначала надо разгадать подсказки. Капелька, ты умеешь держать язык за зубами?

Девочка нахмурилась и с сердитым лицом развернулась к двери.

– погоди, – остановил обидчивую жрец. – Повтори алахчинские письма. Я сделаю запись на языке своих знаков. Скажи, что означает знак-глаз? Он поставлен здесь как будто оберегом.

Айана взглянула удивленно:

– Это знак Творца.

– Не каждому дано пройти обжиг жизнью, – сказала Сандалу на прощание Третья. Хозяйка и, привстав на цыпочки, коснулась рукой его темени. Он тотчас почувствовал, как теплый солнечный свет пролился в голову. В глазах за клубился туман, а затем все прояснело и увиделось четко и ярко. Так было в пещере под Скалой Удаганки, когда пело око крылатой Иллэ.

«Ты нашел то, что искал», – струились призрачные голоса.

* * *

Жреца будто прорвало. Уже не думалось о знаках, поначалу исполненных небывалой сладости и трепета. Теперь знаки легко складывались в слова, а слова выстраивались в ряды на новых ровдужных лоскутах. Сандал не мог остановиться. Писал и зачеркивал, зачеркивал и писал. Книга росла вначале как цветок, потом как куст, дерево... роща... лес! Мастера не успевали вбивать домм в камень.

С высоты Каменного Пальца взгляд обегал Элен в два поворота головы. На словах же она оказалась громадной. Словно в озарении, подсолнечный мир долины открывался перед жрецом во всей своей необъятности и в то же время в мелочах, жизненно важных для ее обитателей.

Позже Сандал всякий раз с изумлением убеждался, что каждый эленец носит в себе не только долину и Орто, но и собственные небесные ярусы, а отчасти даже Джайан. Любой человек был отдельным ключом к внутреннему мирозданию, и ни одна из этих маленьких Вселенных не походила на другую.

Как бы он ни торопился, ему, конечно, не хватило бы остатка весен жизни, чтобы написать обо всем со дня прихода в Элен. Началом времени домма жрец взял Осень Бури. Пока описывал случившиеся тогда события, жил силой корней памяти и снова остро испытывал тревоги и радости давно прошедших дней. Он старался излагать историю беспристрастно, иначе люди обвинили бы его в искажении правды.

Читала Айана – Сандал разрешил ей бывать на священной горе. По складам, но все лучше и лучше читали младшие жрецы.

...О нет, Каменному Пальцу не придется стыдиться за ложь! Книга предстанет на его светлом камне предельно правдивой. Такой, каким человек показывается перед Творцом в смертные мгновения.

Сандал мучился, слово за словом прорисовывая внешность и нрав Хорсуна. Нелегко было сделать это со стороны. Далекие от правды мысли юлили, как хвосты-колдуны на ветру. Горячая кровь, которая еще многого не простила багалыку, вмешивалась и всячески пыталась его оговорить. Осознание того, что он знает Хорсуна ничтожно мало, бесило и выводило жреца из себя. Он с остервенением вымарывал целые шеренги слов, находил окольные, расплывчатые сравнения. Они больше напоминали смутную фигуру в несовершенных отражателях орхо, чем самого багалыка. Поэтому образ получился ровным, справедливым и... не настоящим. Вчитываясь в неискреннее изложение, Сандал приуныл.

Наутро в голову пришла странная мысль: правдивое описание человека возможно в том случае, если заглянуть в его душу и мысли. Точнее, пожить в его душе и мыслях. На короткое время стать этим человеком. И не только им самим, а одновременно всем, чем он живет. Его окружающим. Если не удастся открыть эти врата – исказится правда.

Жрец задумался: не опаснее ли образ, хитроумно переданный в знаках, простого рисованного изображения? Не принесет ли Книга гибель человеку, чья беззащитная душа распластается на камне под солнцем и ветром? Запоздало ахнул: а не грешно ли тревожить умерших, облекая их в словесную плоть?!

Из переписанного набело отрывка домма перед жрецом, как живая, предстала Нарьяна.

«Она умела говорить чудодейственные заклинания, хотя никто ее этому не учил. Сама не понимала, откуда брались складные слова, слетающие с языка, хлопотала ли она дома по хозяйству, бродила ли на лугу возле озера, выкапывая коренья сарданы или ягоды собирая в лесу. Бывало, женичины еще наполовину не наполняют туеса брусничкой, а ее кузовок уже с горкой сверху... Нарьяна могла сделать так, чтобы нитки не рвались, узор вышивался ровнее, легче мялись тяжелые кожи. Чтобы суп стал густым и жирным в голодные дни, когда все коровы стельные и Асчит выдает семьям совсем помалу пищи. На каждое женское заделье были у Нарьяны свои подсобляющие молитвы. А самое мудреное, что удавалось с малых весен, так это вызов огня. Тут она ухитрялась обойтись без кремня и серы. Просто высвобождала голову от суетных мыслей, думала об огне очень крепко, произносила заклинание, и он возгорался».

Книга перечила Ёлю! Разве плохо, если человек будет жить в домме? Подумав так, Сандал успокоился и выкинул из головы сомнения. Он в это время писал о покойном старейшине и любящей его. Ему хотелось рассказать о Силисе и Эдэринке достойно и просто. Так, как они жили. Как думали одинаково, потому что очень любили друг друга.

А еще предстояло побывать в легкомысленной, жадной до слухов и выгод душе Лахсы. Не теперешней, тоже любящей и страдающей, а той, что оставила свои грешки в Осени Бури. После – впахнуться в древние весны старца Кытанаха, войти в мысли напарника его Мохсо-

гола... Тимира, Ураны, Дьоллоха, Атына... Илинэ, конечно же, Илинэ... Птахи... А может, упомянуть и о себе.

Надо было пока приостановить работу мастеров. Он отдаст первую часть истории потом, когда хорошенько поразмыслит, что за чем в ней последует.

Исподволь Сандал научился находить глубинную суть, которую человек носит в душе, как свое истинное имя. Живописуя человека, удивлялся ему, словно открытию нового мира с неведомой, невообразимой доселе жизнью. Остро ощущал терзания и радости каждого. С неистовым негодованием оправдывал мелкие и не очень мелкие проступки, порицаемые ранее. Бурно сопереживал и сочувствовал, чтит, презирал, ненавидел... Но больше всего – любил.

Он лишь теперь понял, как сильно и страстно любит Элен и эленцев.

Все текло от одного к другому и связывалось друг с другом, не спутываясь. Цеплялось за события, нравы, чувства, вещи, время вперед и назад. Знаки слов бежали из-под пальцев, из-под угля обожженной палочки, будто мысли. Сочились сквозь сердце.

В углу стола росла кипа ровдужных лоскутов. Они хранили живую словесную плоть Элен. В Книге говорилось о Дилге – беспощадном и милостивом, могучем и слабом боге жребия и загадки-судьбы. О смещении судеб, что вмещают столько дорог добра и зла, сколько есть человеческих путей на Срединной. О зыбких временах, что сегодня развенчивают устои, казавшиеся незыблемыми вчера. О том, что миры Вселенной тем не менее существуют благодаря одним и тем же божественным истинам. О раскаянии, которое продолжается, пока длится вина...

Когда Сандал трудился над Книгой, он не принадлежал ни Элен, ни Орто, ни даже самому себе, а впервые и по-настоящему – Белому Творцу.

* * *

Постепенно в жреческое селенье началось паломничество эленских мужчин. Всем хотелось посмотреть на домм. Стали жаловать и чужие. Однажды, как из-под земли, рядом с Сандалом, принесшим новые отрывки Книги на лоскутах, возник шаман луорабе Рыра. Полусонно разглядывая Каменный Палец, он без видимого интереса долго наблюдал за работой мастеров.

Сандал слышал от костоправа, будто многие хозяйки Элен старались позвать Рыру в гости. Молодой жрец все не мог уяснить, что уж такое особенное привлекает их в двуснастном мужчине.

Рыра навещал всех и, подремывая, равнодушно угощался. Кумушки как-то обнаружили, что он в одно и то же время гостевал в четырех разных юртах! Едва не разодрались, доказывая, у кого шаман был на самом деле, а кто лжет.

Отзывались о высшем человеке по-разному. Одни говорили, что Рыра высок и худ, другим он казался, напротив, кругленьким коротышкой... Жрец пригляделся: какое обличье шаман принял на этот раз? Не приметив ничего необычного, не утерпел и задал вопрос, тихо мучивший его изо дня в день:

– Скажи, шаман, кто – она, которая меня найдет?

Рыра с величавой медлительностью повернул к нему лохматую голову и загадочно усмехнулся:

– Найдет – и узнаешь.

Любое мало-мальски крупное событие в Элен невозможно было представить без Кытанаха. И тут не обошлось. Билэр, задыхаясь, свалил старца на оленью одеяльце. Тот держал его наготове и успел расстелить на земле.

Сандал был рад любопытному деду, который умел насладиться всякой крохой впечатлений. Незрячий взгляд Кытанаха устремился вверх.

– Сам Белый Творец вложил тебе в голову славный замысел, – похвалил он.

– Айана сказала, что сразу прочла домм, а я ничего сообразить не могу, – пожаловался Билэр.

Старец повернулся к юному другу:

– Думаю, это просто – читать. Будто следы зверей в тайге.

– Раньше я знал время вперед и назад, а теперь вижу только вперед, – вздохнул паренек.

Едва жрец рот открыл, собираясь спросить Билэра, чем кончится сражение с бесами, как Кытанах сердито взвизгнул:

– Не спрашивай о битве! Все одно и то же спрашивают, надоели! – и тотчас наострил ухо в жадном ожидании.

– Так что же будет – победа или поражение? – осведомился Сандал полушутя, но с невольным напряжением.

Билэр послушно закрыл глаза. Выставил перед собой ладони и поводил ими, словно раздирая клочья паутины. Лицо мальчишки побледнело, веки затрепетали, как крылышки мотыльков. Голос сначала был негромким и покорным, затем исполнился удивления и повысился:

– Вижу... совсем маленькую железную юрту с большими окнами. Спереди у нее глаза, двери сбоку, а цвет серебристый. Человек с прозрачными наглазниками открыл дверь и уселся внутри... Юрта зарычала! О-о, глядите, что она делает! Она бежит быстрее самого быстрого скакуна! Дорога очень гладкая, очень... По одному ее краю толстой змеею вьется округлая железка. Под пешим небом на высоких столбах висят, будто сушатся, тетивы железного невода. Рукой не достать даже знаменитым прыгунам! Великого леса нет... Вместо него изрытая земля. Тянется далеко...

Кытанах громким шепотом выдохнул ясновидцу в ухо:

– Ну, хватит сказки рассказывать!

Глаза паренька открылись. Сдавил пальцами виски, мотая головой:

– Опять я не туда попал! Это какое-то совсем дальнее будущее время.

– Выдумщик ты, – проворчал старец. – Где видано, чтобы люди жили в бегающих и рычащих юртах? Чем изрыта земля – копытами этих железных юрт? Где они пасутся, если Великий лес исчез? Множество весен стоит тайга за нашей спиной и будет стоять!

Потом Кытанах весело балагурил с подошедшим Отосутом, сверкая частоколом новых зубов, а Билэр вдруг поник. Сандал не отважился спросить, что расстроило мальчишку. Так они и ушли: один – понуренный, другой, щебеча со всеми, верхом на его спине.

Айана привела Дьоллоха. Сумрачный певец, горбясь, молча сидел перед утесом.

Девочка охотно объясняла что-то желающим, спорила с ними. Сандал видел: общаясь, ей легче избывать боль потери Илинэ.

– Я есть в домме?

– А я? – интересовались эленцы.

– Есть! – звонко отвечала Айана. – Там есть ты и ты, там вся Элен.

– И даже толстая-претолстая матушка моей жены поместилась?! – изумился кто-то.

Многие сомневались:

– Как сумела вся Элен втиснуться в маленькие знаки?

– Влезла же она в корни твоей памяти? Так и здесь. Домм вспоминает прошлое.

– Не откроет ли он души бесам?

– Им никогда не понять человеческих душ...

Айана читала вслух, чутко улавливая настроение слов. Дьоллох шевелил губами, словно тоже беззвучно читал. Народ долго слушал, не прерывая, боясь спугнуть говорящие звуки.

Какая-то старушка взмолилась:

– Можно завтра доскажешь остальное, а? Завтра на весь день приду. А сейчас домой тороплюсь, внучок один остался.

Люди заговорили, Айана снова принялась отвечать на вопросы. Кто с почтением, кто со страхом, эленцы оглядывались на Санда. Он только тут сообразил, что на запретной горе полно женщин...

– Я выучил наизусть все, что Айана сегодня прочла, – сказал жрецу Дьоллох. – Запомню и остальное. У меня хорошая память. Могу несколько дней подряд петь заученное.

Санда понял, что парень не хвастает своими способностями. Просто зачем-то дает знать.

– Когда ты завершишь свой огромный труд, я пойду по аймакам и кочевьям, – продолжал Дьоллох с воодушевлением. – Доберусь до моря Ламы, до всех концов Орто. Куда бы меня ни забросило, везде буду сказывать это великое олонхо... Позволишь?

Жрец смущенно кивнул.

– Я буду петь домм за доммом об Элен и наших людях. И о тебе, Санда. О человеке с высоким джогуром.

– Джогуром?..

– Твой волшебный дар слова могучее всех, о которых я когда-либо слышал, – улыбнулся певец, и печальное лицо его на одно сияющее мгновение чудесно преобразилось. – Это лучшее олонхо в Великом лесу.

– Тебе кажется, потому что оно – о нас...

– Поверь, я не лгу. Да, вот еще что: можно я кое-что добавлю в домм?

– Конечно! – воскликнул Санда. – Досказывай все, о чем я забыл или неверно выразил.

– Нет, ничего неверного я не слышал. Мне хочется добавить больше о тех, кого я люблю, чтобы в далеких краях меня грели теплые слова о них.

– Но как люди чужих племен, не знающие нашего языка, догадаются, о чем ты поешь?

– Я стану переводить, – вернула Айана.

Взглянув на нее с легкой досадой, парень вновь улыбнулся Санде:

– Совсем недавно ты казался мне другим человеком. Теперь я рад своей ошибке.

– Зови меня Санда, – пробормотал жрец. – Санда – мое настоящее имя, не то, к которому вы привыкли. Я – не Санда-Лучезарный. Я – Санда. Такой-же-как-все.

Домм второго вечера Побег долгожданный и неожиданный

Отличную лиственничную лодку сыскал Соннук у озера Травянистого. Она была объемистая, с приподнятыми набоями. Должно быть, легкая на ходу. Такая не побоится высоких волн, невозмутимо пойдет наперерез течению. Весло нашлось лишь одно, да недолго стянуть где-нибудь второе либо самому выстругать. Соннук отогнал лодку в конец озера и перетащил на речной мыс, где тщательно спрятал в кустах.

Едва он заговаривал с Олджунной о севере, у нее портилось настроение. Соннук все же мог убедить ее бежать как можно скорее, но, во-первых, вначале ждал, когда пройдет ледоход, а во-вторых, сам невольно оттягивал поездку из-за волшебного камня. Сата – это было единственное, о чем он не заикнулся Олджуне ни словом.

Иногда снились чудесные сны. В них к Соннуку льнули румяные, ясноглазые сыновья, и махонькую дочку он держал на коленях. У очага хлопотала веселая Олджуна. В высокой юрте с восемью столбами витал восхитительный аромат свежесваренного кобыльего мяса.

«Вс-се это у тебя будет, – обещал, юркою змейкой вползая в уши, шелестящий шепот. – Твой С-сюр с-станет твердым, с-семя ж-жиз-зни укрепит. Ты, з-зачинатель большого рода, проживеш-шь счас-стливую, богатую жизнь и умреш-шь легкой с-смертью. С-собственной с-смертью, отдельной от брата, в окруж-жении любящ-щих детей, внуков и правнуков... Вс-се будет, ты только принес-си С-сата... С-сата-а... С-сата-а-а...»

Это был сон. Не более чем сон. Но явственный голос, знакомый с тех пор, когда душа Соннука костлявым человечком почивала в кошеле на груди Атына, шуршащей пеленой окутывал голову. Посуленное во сне чудилось совсем близким. Просыпаясь, Соннук еще целое мгновенье ловил ноздрями острый мясной запах.

Олджуна спала чутко и пугалась. Не находя выхода, гнев пружинил тело Соннука и заставлял его вскакивать одним броском. В бессильной ярости носился он вокруг шалаша.

Камень размером с яйцо, камень, сокрытый не на дне моря, не в неведомых дебрях, а рядышком в долине, вырастал, как непреодолимая гора, застя собою счастье! Илинэ наверняка спрятала Сата в своей юрте. Исхитриться бы проникнуть туда в отсутствие хозяев! Перевернуть жилище вверх дном, найти камень...

Медлить с побегом становилось все опаснее. В долине происходили странные события. Сперва через нее ринулись звери. Потом птицы летели над нею черною тучей. Теперь Элен наводнили толпы пришлых людей, сторонние табуны и стада. Казалось, сюда стягиваются аймаки и кочевья со всего Великого леса. Шныряя в окраинах крадущейся тенью, Соннук видел издали многочисленные костры на Поле Скорби. После разведки: люди разных племен явились не на какой-то великий сход или внеочередной базар. Они, похоже, переселились сюда. Все просторное поле от края до края заволокли жилища пришельцев.

В отрогах гор, по лугам и перелескам шумно носились стайки детей. Несколько раз приходилось ускользать от чужаков, видно, плохо предупрежденных о скверном уголке долины. Хорошо еще, что окаймленный хмурым бором Диринг и сытыганский алас, исполненный запустения и мрачной настороженности, всех сами отпугивали. Редкий человек, ненароком заглянув в эти безотрадные места, спешил убраться подобру-поздорову.

Но обнаружилось, что Соннук с Олджунной не единственные, кто тут скрывается. Долговязый Кинтей и толстяк Топпот, встреченные после ливня в лесу, облюбовали развалины юрты Сордонга. Потом лесной старик, чьи зубы оставили на руке Соннука полосы плохо заживающих шрамов, турнул непрошенных гостей оттуда. Тогда дружки вырыли себе крохотную землянку недалеко от шаманского жертвенника. Крепко, зная, нашкодили в Элен, коль с такими предосторожностями приходилось им хорониться.

Вскоре в долине резко потеплело, как часто бывает после ледохода. Речки и озера избавились ото льда, лишь глубоко промерзший Диринг сбросил еще не все ледяные вериги. Олджуна знала, что лед в нем растаивает только в конце Месяца белых ночей. Но со временем было неладно, месяцы спутались, а она всячески пыталась если не избежать отъезда, то задержать его. Поэтому, не видя загороженную утесами Большую Реку, спорила, что та тоже не совсем очистилась.

Соннуку кое-как удалось уговорить женщину прогуляться вечером к мысу. Спустившись, обогнули неприятную ей отчего-то березовую рощу. Олджуна бы и Диринг обошла, но получался слишком большой круг, а уже хотелось обратно. Она побаивалась отходить далеко от потаенного на холме шалаша. Соннук утеплил его шкурами, поставил из выжженного пня и глины очаг с дымоходом. Уютно обжитое жилище до сих пор никому их не выдало.

Озеро злобно глянуло чернеющими поверх льда разводьями, точно оплывшими после драки глазами. Ветра не было, но волны, как выюки на конях, подпрыгивали грузно и тревожно. Сообразив, что люди не к нему пришли, а проходят мимо, коварный дух Диринга испустил из глубины надсадный вой. Озеро умело мычать, словно великан, у которого разнылись зубы, ломало лед со стонами и треском, но таких запредельных звуков Соннук здесь еще не слышал. Переглянулись с Олджуной и бок о бок подступили к обрывистому берегу. Диринг, кажется, только и ждал чьего-нибудь приближения: земля тотчас внятно дрогнула от смачного нутряного хлюпа. Видно, где-то внизу, в мшистых хлябях вспучивались и вскрывались смрадные полости гнилого дна...

А дальше перепуганное время, трепеща всполошенными мгновеньями, пустилось вскачь! Оно будто удирало от булькающего рокота, который поднялся вверх с наступательным грозным звуком. В середине озера с необычайной скоростью завертелся бурливый водоворот. Раскрученная воронка распахнула зев, втягивая и заглатывая крайние льдины. Из недр, кипящих грязной пеной, выдралось огромное тело. В раскатах водяного гуда продолговатая махина ринулась вверх и вынырнула в тучах брызг и осколков взломанного льда! Округлая серо-сизая туша, полускрытая взорванным фонтаном, показалась на миг и пропала...

– Мохолоу, – выдохнула Олджуна.

Они остолбенели в десятке шагов от обрыва, неспособные ни двинуться, ни закричать. Невиданное зрелище развertyвалось перед ними! Воронка замедлила бег, и в кругах ее всплыло покато взгорье чудовищной спины, одетой в складчатый панцирь. Вдоль хребта вздернутыми мечами покачивались обтянутые сморщенной кожей шипы. В мерклой воде смутно угадывались плоские, раскинутые крыльями плавники и расплывчатые движения невероятного тела.

Величиною ящерица, чудилось, была с Двенадцатистолбовую юрту. Тускло блеснул чешуей исполинский хвост, оснащенный чем-то вроде наконечника копья, со свистом шибанул по воде. Восставшим из ада призрачным древом вздыбился новый фонтан... И опять ударила копыеносная плеть, и еще раз, еще и еще, высекая сверкающий брызгами живущий мгновенья водяной лес!

Забавляясь, чудище поколыхалось в клочкотанье волн, как поросший мертвыми корягами остров, мелькнуло неимоверным крупом и погрузилось во вспененное озеро. Черная глотка Диринга сомкнулась над ним с утробным смешком. Гребные извивы могучего хвостика, от которого по всему озеру, круша остатки льда, шли рожденные под водой волны, могли с легкостью перевернуть караван лодок.

– Бежим, – просипел Соннук.

– Аг-га, – кашлянула Олджуна, не чувствуя ног. Вздурораженное озеро ворчалло, плещась и громко лопалясь пузырями. Вновь готовилось вывинтиться кверху дном, взлететь к небу перевернутым водопадом... И дикий человеческий крик потряс злоеущий воздух! За краем обрыва показалась чья-то растрепанная голова со вставшей дыбом косицей.

«Топпот, – подумала Олджуна. – Рога Водяного быка выламывает...»

На присыпанном землей лице мелькнули полные смертного ужаса глаза и вопящий рот. Вслед за тем время странно замедлилось. Над кручей, угнетая слух всасывающим звуком шипением, начала вздыматься древняя бугорчатая колода, вдоль и поперек изрытая глубокими и мелкими трещинами. По бокам ее белели два плоских пятна. Изнутри они отдавали блеклым золотистым свечением. Лишь когда их на миг прикрыло сборчатыми складками, Соннук сообразил, что это – глаза Мохолуо.

Потом ни о чем уже не думалось. Только ощущалось, как из пятен ползет, обволакивая его скованное тело, притягательная дрема. Она звала слепо прыгнуть куда-то – в мягкую темь, сон, забвенье... Виделось, как лепестками гигантской сарданы расцветает красно-крапчатая пасть, как дрожащими струями исходит из нее зловонный зной. Одурманенный парами ядовитого дыхания, смотрел Соннук на ряды мореных кольев, размыкающихся все шире и шире. За ними, будто подышающий в пещере зверь с заживо содранной шкурой, содрогался багровый язык.

Лебединым движением изогнулась над водою гибкая шея. Головы замороженных покорно запрокинулись вдогон за манящими глазами. Олджуна сделала к озеру шаг... Но тут Топпот изловчился подпрыгнуть и схватиться за куст, к которому был привязан веревкой. Вонзая в землю острие топора, попытался вылезти.

Наверное, ящерица полагала, что этот кусок кричащего мяса уже никуда не денется, и досадливо взмыкнула. Извилистыми рывками свесилась ее оскаленная морда. Неуловимый бросок – и клыки-колья зацепили полу Топпотовой дохи. Мохолуо подбросила несчастного высоко вверх и во всю ширь разверзла пасть...

Взлетая, толстяк издал такой душераздирающий вопль, что в ушах Соннука словно разгоряченные заглушки лопнули. Вернулись звуки, с померкшего сознания пала душная пелена, и обмершее сердце вернулось к яви и жизни. Растекшееся время разом поджалось и ускорилося. Топпот захлебнулся и умолк.

– Назад, – захрипел Соннук.

На лицо Олджуны брызнула кровь. Сверху над нею скрюченными пальцами загребала воздух истерзанная рука, высунутая из страшных челюстей... Разум отшибло женщине – не шевельнулась! Но и одеревенелые ноги Соннука не слушались его. Стараясь избежать гибельных глаз ящерицы, он в немом отчаянии глянул в небо и впервые взмолился всем сердцем: «Помоги...»

И подернутое пасмурными тенями небо откликнулось! Ниспадающая над Дирингом туча внезапно окрасилась желтым. Засияла, как отдраенная песком медная посуда, и прорвалась! В прореху, полную чистой синевы, на Олджуну хлынул солнечный поток. Она зажмурилась, отмирая, вздернула ладони к лицу.

Ноги Соннука ожили. Схватив ее за руку, повернулся и едва не сбил с ног человека, замершего в том же столбняке. Кинтей, а это был он, опомнился, помотал зачумленной головой и открыл рот, но крик потонул в мычании Мохолуо.

Сообразив, что сейчас упустит остальную добычу, ящерица поторопилась сглотнуть. По всей длине шеи, вытянутой, как древесный ствол, волнисто прокатился вздутый ком... А как только с Топпотом было покончено, тварь бросилась грудью на край обрыва.

Берег рушился кусками и глыбами, в хлещущие волны падали кусты. В бездонную пучину увлекло труп Водяного быка с отбитыми рогами. Вывалился второй бык без рогов. Обнажились рога третьего – того, над которым несколько мгновений назад трудился с топором злосчастный Топпот.

Три человека неслись, ничего не видя кругом, а за ними гнались рев и грохот, точно позади, стуча копытами, мчалось стадо свирепых Водяных быков.

* * *

За время лихорадочных сборов не перемолвились ни словом. Не сговариваясь, побежали к мысу, где ждала снаряженная лодка. Соннук тащил наспех скрученные в шкуры пожитки.

Кинтей, ненадолго отлучившись куда-то, догнал беглецов и неотступно сопел за спиной. Он тоже нес что-то большое в медвежьей шкуре и пару выючных конских сум, переброшенных через плечо. На поясе его болтался меч.

Распяленные икринки грешных Сюров прильнули к мутным стенкам Сордонгова само-стрела.

– Куда бежишь, сытыганская дочь? – застонали души родичей. – Покидаешь нас?!

Безумный взгляд полных горя глаз Кэнгисы чувствовала Олджуна напряженной спиной. Не помня себя, проскочила березовую рощу. Полетела вперед, ловя воздух горячим ртом. Дальше от ужаса, от Диринга, Сытыгана, дальше, дальше, с закрытыми глазами и трепещущим сердцем. На четверть пути опередила парней. Добралась до залива и плашмя опрокинулась на песчаную грядку. Оплавленные легкие отказывались дышать, слабые пальцы скребли сипящую грудь. Сердце теснилось в горле, грозило лопнуть и залить гортань кровью... Большой вдох все же пробился.

«Спасена!» – заплакала сухими глазами Олджуна. После того, как Йор убрался из нее, она страстно полюбила жить.

Соннук перегнал долговязого, менее проворного Кинтея. Взгромоздил на себя спрятанную в кустах лодку, согнулся под ее бременем. Непослушные ноги заюлили зигзагами, страх выходил из них протяжной дрожью. Хрипя, влачился не пыткой тела – из остатков упрямства. Спустив судно на воду, бросил в него скарб и лишь тогда перевел дух. Подал ладонь Олджуне – не смогла встать, подползла на коленях. А как упала на днище, так и осталась лежать лицом вниз. Хотя знала теперь, что Мохоуо, водяная жительница, по земле не ходит...

На берегу, шатаясь под ношей, появился Кинтей. Силы его были на исходе, но отчаянным рывком зашвырнул за борт вещи и сам мертвой хваткой вцепился в корму.

Соннук собрался огреть надоеду лопастью весла. Олджуна умоляюще взмахнула рукой: не надо, пусть, пусть... Парень, по пояс в воде, подтянулся, перекинулся внутрь. И все молчали, только дышали громко и сипло.

Тяжело груженная лодка наконец отчалила. Огибая мыс, поплыла под сенью кустов. В выходе из залива река подхватила ее. Береговые волны копили у отмелей взбаламученный половодьем мусор. Задумчиво оглаживая осевшие борта, словно прикидывали, не прибить ли лодку с приливом к песчаной косе. Весло разметало волны и открыло путь к водному простору.

Соннук навис над кормой, подставил лицо под россыпь водяной пыли. Остывший речной ветер долго не мог охладить горящее тело. Хотелось перегнуться с борта, сунуть голову в студеную волну и поймать лицом течение – будь что будет.

Олджуна лежала, крепко стиснув в кулаке ременную привязь лодки. Пальцы затекли, но не выпускала. Хоть с малым бременем в руке, а будто бы надежнее. Слушала, как успокаивается, реже и тише стучит пугливая птичка сердца. Страшно было высунуться. Боялась, что не удержится, начнет вглядываться в глубь, где непременно померещатся смутные пятна-глаза. Без того чудилось: вот-вот захлестнет восставшей волной и в фонтане брызг и придонного песка взвоется замшелая колода с несито разинутой пастью... Что, если железочешуйчатая ящерица все-таки выбралась из Диринга и поплыла за ними?

Плечо Олджуны соприкасалось со спиной Кинтея. Парня колотили безмолвные рыдания.

– Эй, лодку утопишь! – прикрикнул Соннук, и непрошенный попутчик, судорожно всхлипнув, утих.

Маковка Каменного Пальца еще маячила, но времени прошло довольно. Впереди простиралась бескрайняя даль. Без всякой помощи весла лодка перышком скользила по прибитым ветром волнам. Скулы ее делили реку белым ребристым пробором. Курчавые гребни волн стелились и гасли по бокам пенными стежками. Зябкое речное дыхание дуло в корму.

У Олджуну окоченели руки, не так от холода, как от неподвижности. Отбросив ремень, растерла пальцы. Задремавшая кровь проснулась с болью, потекла быстрее. Женщина привстала, и в глазах на миг стало темно, а едва прояснело – испугалась большой текущей воды.

Изредка рядом с лодкой выныривали изуродованные ледоходом черные деревья. Олджуна насилу подавляла желание вытолкнуть криком душный ужас. Соннук спешил отпихнуть коряги веслом. У него тоже не сразу прошло жуткое ощущение кишащих в бездне невнятных груд.

Округлая лопасть весла ловила отражение закатного солнца. Лучи кропили Большую Реку золотыми брызгами. Одинокая лодка плыла в звонкой тишине меж двух вечерних глубин – темно-синей речной и розовато-синей небесной. С обеих сторон, теряясь вдали узорными поясками, катились назад скалистые берега.

Олджуне грезилось, что никакого течения нет и река хитрит, удерживая суденышко на месте. Будто на самом деле лодка стояла, а от нее без остановки бежали вспять бесконечные утесы. Но порою женщина дивилась бешеной скорости мрачного движения волн. Казалось, течение с самовластной настойчивостью мчит ее во мрак и пустыню. Несет все дальше от берега, где осталась половина пристывшего к Элен сердца дочери Сытыгана.

* * *

Ранняя луна ощупала лодку холодными скользкими лучами. Настала пора подумать об ужине и ночлеге. Направились к устью светлой речки, что весело ниспадала с гор.

Упиваясь свежей прохладой, Соннук дышал глубоко и свободно. Гигантская ящерица осталась далеко, измельчала и потускнела. Потеря джогура стала казаться незначительной, волшебный камень – не столь уж необходимым. Атын мнился чужим человеком, от жизни и смерти которого нисколько не зависели жизнь и смерть Соннука.

Тоскливый взор Олджуну блуждал в скрытых сумерками верховьях реки.

«Ничего, пусть погрустит, – думал Соннук. – Тем приятнее будет прийти туда, где нас ждут». Он не однажды склонялся к мысли, что судьба, творя его с Олджуной будущее, недаром мучила и терзала обоих. На Орто ничего не дается легко, а за высокое счастье и плату приходится отдавать высокую.

Соннук был благодарен Элен за свитое в ней гнездо. Но долина, населенная чванливыми людьми, не сумела сделать счастье полным. Зато теперь каждое мгновение приближало к стране, где ждал пророческий сон. Олджуна убедится в правоте своего человека-мужчины. Их юрта наполнится плещущим через край счастьем... Подумав об этом, Соннук распрямил устало согнутую спину. В душе сразу водворились спокойствие и уверенность.

Приятные мысли прервал глухой стон. Кто-то стонал в медвежьей скатке. Соннук повернулся, и в сердце его словно что-то оборвалось. Человек?..

– Кто это?

– Невеста моя, – буркнул Кинтей.

Соннук перевел дух. Ему почему-то почудился голос Атына.

Олджуна язвительно хмыкнула. Она-то давно поняла, что в шкуру закатана украденная девушка. Вгляделась в представший берег. С горы к нему спускался беспросветный бор. Черноту леса смягчала тонкая березовая кайма. В дюнах топорщились кусты краснотала. Место было почти такое же, как на Бегунье, где Олджуна впервые познала мужчину...

Лодка с визгливым шорохом пробороздила песок пологой отмели. Люди сошли, расправляя онемелые ноги. Кинтей, размявшись, поволок из лодки «невесту». Соннук любовался своей вечерней тенью. Как верный слуга, она скользила рядом.

Блаженствуя, Олджунa грелась у огня. Соннук успел развести костер и подвесить на рогуле котелок с водой для похлебки, пока Кинтей спиной к спутникам возился с похищенной девушкой. Раскрутил шкуру, расслабил вязки ремней. Белое, без кровинки, лицо, обмотанное какой-то одежкой снизу, повернулось к костру. В измученных глазах плакал и молил застывший крик...

Ладони Олджуны взлетели ко рту. Неужто... Не может быть!

Не может, а было. Ни с чьими другими не могла она спутать этих карих глаз.

– Илинэ!

– Илинэ?... – пошатнулся Соннук, роняя из рук топор, которым стругал палку для ветрового заслона.

– Она. Ну и что? – с вызовом глянул Кинтей.

Олджуну затрясло от злости. Впору было, ногти наострив, броситься на наглеца, расцарапать его бесстыжую рожу! Как смел он, как дерзнул... дурень безголовый... мерзавец... что натворил!

Стужей повеяло от голоса:

– Развяжи ее!

Кинтей набычился, втянул голову в плечи, точно Олджунa снежком в него запустила:

– Убежит.

– Она все равно убежит. Развязывай, негодник, иначе я не знаю, что с тобой сделаю!

Женщина шагнула ближе, и Кинтей, подпрыгнув, выдернул из ножен молнией блеснувший меч. Ощерился, шалым взглядом перебегая с лица на лицо. Повел грозным оружием перед собой, держа его обеими руками:

– Прочь! Прочь, сытыганское отродье!

Соннук поднял топор и отодвинул Олджуну за спину. Хлестко перекинул топорщице из левой руки в правую. На облитых жаром скулах выступили каменные желваки. Жгучий взор точно крапивой ожег щеки Кинтея. Стояли молча, сверля друг друга настороженными глазами.

Кинтей не выдержал. Изобразил лицом миролюбие, улыбнулся кривовато. Вложил меч в ножны.

– Зачем нам драться, Атын, что делить? Сегодня мы пережили такое, после чего люди, даже бывшие враги, сплываются и стараются держаться вместе... Мы не прежние глупые мальчишки. Пусть Белый Творец покарает того, кто помнит зло. Я – не помню. Не собираюсь мстить за ту детскую драку из-за тальниковой вязанки, когда ты так же угрожал топором. За тот страшный удар... Скажу честно: я восхищался тобой! Я и теперь восхищен.

Поправив пояс, задвинул меч за спину и ухмыльнулся:

– Ты сумел надуть всех! Ведь мы с Топпо... – он вспомнил, что имя покойника не называют вслух, – мы с другом, как вся Элен, вначале поверили, что в Олджуну впрямь вселился Йор. Ох и мудреную же ты придумал уловку, чтобы увести жену Тимира! Друг мой видел, как вы с Олджуной кувыркались на холме...

Глаза Соннука неистово сверкнули, и Кинтей заторопился:

– Ты похитил баджу собственного отца, я – твою названную сестру. Илинэ пока что никому не принадлежит. Кто из нас больше преступил закон? Я сватался к ней. Ее нянька Лахса... ваша приемная матушка отказала сватам. А я не приемлю отказов. Хочет или не хочет Илинэ, она станет моей женой. Не беда, что согласия с невестой у меня пока нет. Привыкнет. Полюбит, может быть... Мало ли в Эрги-Эн крадут невест? Многие для того и едут на торжища. Я не жесток, и я люблю ее. Ты будешь доволен зятем. Видишь – не скрываю от тебя ничего. Мы еще славно погуляем на свадьбах – твоей и моей!

Он чуть повременил и убедился, что гроза миновала.

– Надеюсь, ты больше не злишься, Атын?

– Я не Атын.

Обдумывая ответ, Кинтей искренне удивился:

– Кто же тогда?

Растерянно уставился на спину того, кого считал Атыном. Любовник Олджуны молча занялся прерванным делом. Он был похож на сына кузнеца, точно отражение. С маленькой разницей. Не понять, в чем.

– Его зовут Соннук, – сказала женщина, и тот, не поворачиваясь, нехотя пояснил:

– Я – близнец Атына. Сразу после нашего рождения кузнец отдал его Лахсе, а меня – в другой аймак. В Элен обо мне никто не знал. Но вот недавно я вернулся в семью... – он запнулся, – и понял, что не нужен Тимиру.

– Не нужен? – усомнился Кинтей.

– Отец не захотел меня принять.

– Ты знаком с... братом?

– Мы как глаза, которые вместе появились, но не видели друг друга. Я приехал, когда Тимир отправил его с заданием в верховные аймаки.

– У вас одно лицо.

– Ну да, мы ведь не просто одночашные братья, еще и близнецы. Родились в одной рубашке.

– Развяжи ее, – снова велела Олджуна.

Кинтей сделал вид, будто только что вспомнил:

– Ах да, Илинэ же твоя родная сестрица! Матушка говорила...

– Мало ли что говорила твоя матушка, – осекла женщина.

Кинтей якобы не расслышал пренебрежения в ее словах.

– Прости за «отродье», Олджуна. Уж больно ты меня раззудила. А я, признаться, не из тех, у кого вялый язык и рыба кровь!

...Соннук чувствовал спиной прямой взор Илинэ. Глаза у нее, кажется, светло-коричневые? Может, теперь потемнели от горестных мыслей. Он подумал, что этот беспощадный взор останется с ним надолго. Гораздо дольше, чем следы его торбазов на гостеприимной поляне...

Ну и пусть смотрит волчонком. Ему-то что? Все сложилось на редкость удачно. Вместо Сата он привезет Страннику девушку, которая знает, где находится волшебный камень. Соннук старался не думать, как черный человек будет выбивать у Илинэ признание.

– Пусть бы в ремнях сидела, – бормотал Кинтей, освобождая пленницу. – Они не тугие...

– Не бойся, не сбежит твоя невеста, – обронил насмешливо второй сын кузнеца.

Настал черед Олджуны непонимающе пялиться в его спину. Душу охватывали гнев, возмущение, желание на корню извести подлое племя мужчин. Желание было таким мощным, что на миг Олджуна едва не лишилась чувств.

Он догадался о чем-то, сжал ее ладонь и шепнул:

– Нам нужно поговорить.

За деревьями привлек к себе:

– Что с тобой?

Уткнувшись ему в грудь, женщина яростно разрыдалась.

– Если хочешь, я настою на том, чтобы Кинтей отпустил Илинэ, – ласково заговорил Соннук. – Я убью его, если хочешь... Но подумай хорошенько: дойдет ли она до Элен? Мы отделились от нашей долины на два ночлега пешего пути. Может, и больше. Течение быстрое. Ей придется идти одной. А ведь ты знаешь, Великий лес полон нынче странных зверей. Вспомни пряморогого лося и лесного старика, который едва не изувечил мою руку. Я уж не говорю о сегодняшнем дне... С небом и временем творится необъяснимое. Неизвестно, что

будет завтра – пурга или зной. Отпустить Илинэ – значит послать ее на верную гибель. Нам надо идти вместе. Там, на севере, мы найдем способ избавиться от Кинтея. Отправим девчонку с надежными провожатыми обратно на добрых конях. А может, найдем ей достойного жениха.

Он нежно заглядывал в заплаканные глаза, гладил косы:

– Не сердись, любимая... Я сделаю все, что прикажешь.

– Ладно, – помедлив, согласилась Олджуна. – Только пообещай мне, что не дашь этому выродку обидеть Илинэ.

– Обещаю.

– Я сама ей все объясню.

– Вот и прекрасно...

Они вернулись вовремя. Девушка безмолвно и ожесточенно отбивалась от объятий своего мучителя. Хищное, красное в свете костра лицо Кинтея казалось бесовским. Увидев спутников, он отпрянул от Илинэ.

– Еще раз замечу – убью, – молвила Олджуна ровным голосом, но глаза полыхнули. – И никакой меч тебе не поможет.

Соннук спокойно подтвердил:

– Она убьет.

Кинтей поверил бы и без слов. В женщине точно Йор промелькнул.

– Мстительный и коварный человек нам в пути не нужен. – Соннук нарочито зевнул. – Да и не только в пути. Поэтому, если вдруг угляжу, что пытаешься кому-нибудь из нас досадить, ты испытаешь худший удар, чем в детстве от моего брата.

«Жених» отодвинулся от Илинэ. Погодя, засуетился, захозяйничал над котелком, пряча глаза. Высыпал в воду сухую рыбную крошку.

– У меня все есть, – залопотал чуть подрагивающим от страха голосом. – Матушка позаботилась. Я хаживал домой ночами, когда мой друг храпел.

Вытряс из выючных сум кожаные мешочки:

– Тут – вяленое мясо, тут – тертые луковицы сарданы...

* * *

Запасливая матушка налила в туес с зауженным горлом свежего топленого масла, в другой натолкала квашеную зелень. Набила сумы копчеными тетерками, жареной рыбой, сушеными коровьими кишками, начиненными жиром. Жалостно причитала, провожая Кинтея в дорогу. Все пеклась-радела о нем, невезучем.

После неудачи с поджогом Манихаевой юрты мать распустила слух, будто приятели рванули на север, а они прятались от эленцев и чужаков в норах зверей. Жизни человеческой не стало, впору было волками выть. Кинтей сказал матери, что вернется, хотя вовсе не хотел возвращаться. Собирая еду и кой-какую одежку, она сквозь плач утешала себя и сына, что отъезд на юг поможет ему избежать войны с бесами, из-за которой в Элен отовсюду ринулся подозрительный сброд. Жаловалась на старейшину Хорсуна: раздает пришельцам на поселение лучшие места в долине, праздники для них устраивает. Вот и сегодня в заставе ожидается медвежий пир. Воинское Посвящение справляют.

«Пируют! – в глухом бешенстве думал Кинтей. – Они – пируют, нищее отребье привлекают! А мы с Топпотом, наследники исконных эленских родов, вынуждены бежать куда глаза глядят! Подпортить бы им праздник напоследок... Пусть удалые ботуры Хорсуна ищут потом виновных, покуда кукушка жаворонком не запоет».

Мысль о последнем мщении неотвязной мошкой зудела в мозгу. Распровавшись с матушкой, Кинтей зашел в коровник. Накинул рванину поверх добротной одежды, испачкал сажей лицо, шапку поглубже надвинул. Сгорбился, заморгал подслеповато... Посмотрел на

себя в лужу – старик стариком. В заставу пробрался спокойно. Встречные знакомые не признали, чужие носы воротили от чумазого старикашки.

Асчит с помощниками, как всегда, сустились у костров. В широком дворе хлопотали бабы, разнося угощение. Народ гулял! Кинтей скромно притулился сбоку среди тонготов. Пожевал мяса, чтобы внимания не привлекать. Улучив миг, тихонько прошел за Двенадцатистолбовую, вроде до ветру. Нет никого. Заглянул в окно – пусто в юрте! Празднуют молниеносные... Скоренько выставил окно.

Оружие особо не выбирал, снял болот с рожка на первом же столбе. Меч оказался превосходным. Острое лезвие в мгновение ока лишило тетив луки, гроздьями висящие на столбах. Кинтей охолостил оружие на девять дней, пока не вызреет новый ременной сыромят. Думал еще чем-нибудь навредить, но заспешил: почудилось, что кто-то дергает плотно закрытую дверь. Да и нечего тут было ломать. Разве стрелы полущить об колено? Махнул рукой – оскопленных луков выше головы хватит для переполоха.

Прихватив полюбившийся меч, побежал к Дирингу. По пути скинул лохмотья, подобрал запрятанные матушкины сумы, а тут – девушка на тропе. Шла, видать, с пира домой. Мягкие косы разлетались с плеч, шаг был легкий, быстрый.

Нечеткая, недозрелая мысль поманила Кинтея. Посулила оскорбленной душе убажение жестокой отплатой эленцам... «Постой-ка, – удивился, крадучись, – а ведь это Илинэ! Отказная невеста!» И в глазах потемнело от желания повалить на тропу, тиская грудь, руки заламывающая... Остановился. Нет, нет, – для забав девки всегда найдутся, без Илинэ же, глаз ее звездных... свет не мил. Пришло мгновенное решение взять гордичку с собой. Побольнее будет отместка, чем злополучный поджог и порча луков! Все знают, что Лахса в приемной дочери души не чает.

Догнал Илинэ на цыпочках, стукнул по затылку подобранной палкой – заголосить не успела. Стянул ремнем руки и ноги девчонки. Лицо обвязал своей рубахой так, чтобы дышать могла, но не крикнуть. Время поджимало, а как хотелось хоть раз губами к нежной шейке припасть! Старался не смотреть в вырез ворота, где белела высокая грудь. Не то что ртом вождедеющим – пальцем не коснулся.

Через правое плечо Илинэ перекинута, через левое – выюки. Боялся попасться кому-нибудь на глаза. Человеком, что несет безжизненную девушку, любой бы заинтересовался.

Вовремя приметил Кинтей медвежью шкуру, распяленную на изгороди у дома Долгунчи. Вновь повезло! Лесной старик вытурил друзей из разваленной юрты на сытыганской горе, а теперь его шкура изгнанному и послужит. Понятно, за какие заслуги Хорсун отвалил перестарке подарочек на лежанку. Пусть слезами умоется веселая игрунья – не валяться ей с бага-лыком на пышном мехе таежного красавца!

– Попомнишь уж медвежий пир, подложный старейшина, – прошипел Кинтей, заворачивая в шкуру бесчувственное девичье тело. Уж он-то хорошо помнил пощечины, которые Хорсун закатил ему когда-то. Детская была стычка, но Кинтей не просто упал после Атынова колдовского удара, а лежал без сознания...

Кинтей ничего не забыл.

...Похлебку сдобрили маслом и матушкиной квашеной травкой. Получилось на славу, а Илинэ есть отказалась. Что ж, не хочет – как хочет. Голод время любит. И приязнь человека к человеку тоже от времени зависит. Никуда не денется девка.

– Куда ж вы с Топпотом бежать-то намеревались? – прищурилась Олджуна.

– Не поминай погибшего всеу, – мягко укорил Кинтей. – На юг думали двинуть.

– Рога Водяного быка на горящую воду менять? – перебила дотошная сытыганка.

Ох, отравительница воинов! Забыла, что Кинтей с Топпотом помогли ей как-то на торжищах Илинэ оговорить. Знал бы этот Соннук, какая подлая змеюка на самом деле Олджуна!

Кинтей прикусил губу и похвалил себя – молодец, скрепился, не надерзил. Даже глазом раздражения не выказал. А что у человека в душе гулкая злоба поднимается, так снаружи не видно...

Разве объяснишь им, какие чудесные грезы умеет навевать волшебная горящая водица? Она сияла в огне радужно-синим пламенем, дарила незабываемо яркое счастье мыслям и радость телу. Правда, на другой день страшно болела голова и ломило кости... Но стоило снова прильнуть к заветному кувшинчику, если что-то в нем оставалось, и неприятностей будто не бывало.

На позапрошлом базаре довелось выторговать у старого нельгезида двадцатку кувшинов за три связки собольих шкурок и обломки рогов Водяного быка. Седмица дней прошла, как в небесных ярусах. Чувствовали себя богами...

Торговец рассказывал, что в стране Кытат такие рога очень ценны. Их меняют на листы с клеймами, которые имеют необыкновенную власть над людьми. Топпот тогда посмеялся: пусть бы попробовали какие-то листики взять верх над парнями из Элен! А нельгезид сказал, что в обмен на эти неказистые безделицы люди готовы отдать все – драгоценности, утварь, рабов. Красивые женщины, лишь покажи им листочек, соглашаются подарить себя на ночь, и делай с ними что хочешь.

Кинтею не очень-то верилось, но потом торговец, поигрывая масляными глазками, повторил рассказ прилюдно. Топпоту особенно понравилось о женщинах. Девицы и молодки Элен не очень-то его жаловали. Осмелился даже спросить старика, можно ли... ну... сразу с несколькими? Тот захохотал: «Хоть с двадцаткой баб! Главное – чтоб ты богат был такими листиками».

Крепко запали на ум туманные посулы бывалого человека, речи его заманчивые. В этом торговом году Топпот нашел в обрыве Диринга второго бычину. Не стали ему рога бить-расколачивать. Откопали, выломали и спрятали целиком. А нельгезиды не приехали...

Да ладно. Здесь-то они всех обмануть норовят, а в Кытате рога, небось, можно сбыть за целый ворох властных листиков, по-настоящему богатыми стать. Друзья изрыли в том месте всю кручу и обнаружили замороженного в берег третьего великана. Отчего он помер, как первые два, размышлять не стали. Много ли пользы от лишних дум о загадочном бытии подземных животных? Рога-то – вот они, драгоценные.

Так что все – правда. Собирались на юг, а теперь – прощай, Кытат, диковинная страна, куда улетают птицы! Не зря говорят, что волшебные Водяные быки приносят несчастье. Знать, и мертвые они сильны. Призвали железочешуйчатую ящерицу расправиться с возмутителями покоя...

Жаль беднягу Топпота. Жаль лошадей, что остались на привязи в лесу у Диринга. Четыре добрых верховых, три выючные были готовы к долгому пути. Ну, не вечно ждать им. Ботуры, рыская по лесам в поисках попортивших луки лиходеев, отыщут лошадок. Если их еще не сожрала Мохолю.

* * *

Луна цвета рога Водяного быка выглядывала из-под многослойного небесного одеяла. На жесткой циновке, плетеной из древних корней, спала восьмикрайняя Орто. Слабо плескались во сне волны. Терпким звериным парком исходила медвежья шкура, расстеленная на горячем пепле. Лежа на ней рядом со спящей Олджунной, плакала Илинэ.

Под утро бледные звезды закружились в медленном хороводе, а луна превратилась в Сата. Волшебный камень приблизился, повернулся и сверкнул всеми восемью гранями. Не успела Илинэ удивиться, откуда он здесь взялся, как в его туманной глубине загудели ветра.

...Буря, вылепленная из снега, града и мусора, остервенело колотилась о стены огромной каменной юрты. Словно живая, пыталась проникнуть в одно из бесчисленных окон, закрепленных крестообразными рамами. Рамы трещали, прозрачные пластины свистели и визжали под напо-

ром свирепых порывов, будто их полосовали острые когти. Нижний пласт не выдержал, лопнул. Внутри дома взлетели вверх раздутые ветром занавеси из зеленого нельгезидского шелка и мелкий скарб. Заметались люди, одетые в белые жреческие одежды, послышались заполошенные крики и топот многих ног. На лежанке корчилась женщина в бремени. Собралась рожать.

Буря ворвалась в дом и превратилась в узкий смерч, похожий на стрелу. Вертясь с безумной силой, стрела нависла над женщиной. В темной воронке явственно угадывались чьи-то дикие лица и черные оружие рты.

Толстая жрица закрыла прореху собой. Ветер в юрте прекратился, и тонко задымивший смерч погас. Буря снаружи взвыла, принялась высасывать жрицу наружу. Озаренные втянули ее обратно, навалили на приступку окна первые попавшиеся вещи... А беременная женщина вскочила с лежанки. Распласталась по стене, запрокинула лицо и сквозь вихрь бушующих весен глянула в глаза Илинэ. «Иди на север! – закричала властно и в то же время с мольбой. – Иди к Долине Смерти, иначе мы все погибнем! Ты знаешь, где камень! Спаси свой мир, спаси нас!»

С телом Илинэ случилось странное: оно словно несло по реке времен, а эта река переживала свое половодье. Тело было Землей, и ей грозила страшная опасность. Видя перед собою горе, мрак и хаос, скорбно и отчаянно билось вещее сердце. Через него струились призрачные потоки людей – люди, люди, белесые и мглистые, как туман. Казалось, они идут, чтобы горячая кровь Илинэ согрела их, наплатила мертвеющую плоть любовью и жизнью. С каждым мгновением их становилось больше, корни сердца уже не могли всех запомнить.

Увлекая Илинэ, людской ливень подхватил Сата и обрушился в черную пропасть... Но тут вновь возникли стены каменного дома, стремительно приблизилось разбитое окно. Женщина в юрте кричала так, будто жрецы резали ее батасами. «Рожает», – Илинэ во сне вытерла взмокший лоб. Буря взревела раненым зверем. Воздух ожгло вспышкой холодного потустороннего света. Адские голоса застонали, закричали, зарыдали сверху, снизу, с боков. Загремел гром, в небе полыхнуло белое пламя... заплакал ребенок.

Стоя перед женщиной на коленях, молодой жрец держал в руках новорожденную девочку. Лицо у него было ошеломленное, усталое и счастливое. Он улыбался.

«Домм-ини-домм!» – застучал маленький табык с рисованными вкруговую знаками. Табык висел на стене над жрецом и стучал сам по себе.

«Домм-ини-домм!» – бил легко и свободно, потому что все стихло.

«Домм-ини!...»

Илинэ проснулась вся в слезах и липком поту, словно сама только что родилась. Сомнений не было: незнакомка видела ее в гранях волшебного камня и велела идти на север: «Ты знаешь, где камень». Но Сата остался в Элен... Не Илинэ ли сама это дитя, что огласило плачем свой приход из Круга времен в чужой мир?

Она напрягла память, пока сон еще не забылся. Женщина... мать новорожденной девочки была красива. Темное облако взлохмаченных волос окутывало ее плечи. Легшие под скулами смуглые тени делали бледное лицо тоньше. Глаза... яркие, неистовые глаза просили и требовали: «Иди к Долине Смерти, иначе мы все погибнем!»

Значит, нужно достичь этой долины, потом вернуться и взять камень. Зачем? Илинэ не воин, обыкновенная девушка. Даже стрелять из лука без промахов рыжий Болот так и не научил ее в детстве.

Перед глазами вдруг замелькало: вооруженный до зубов демон вломился в юрту... Убитый Манихай лежит на полу... Дьоллох пытается заслонить собою матушку Лахсу, над головой которой занесен меч...

Матушка, матушка-а!

Илинэ зажмурила глаза, приказывая себе не выдумывать ужасных видений. Тело превратилось в покрытый мурашками ком страха. Что ждет ее, какие муки? Выдержит ли?

Последний отголосок сна донесся откуда-то извне, из далекого далека: «Иди...»
– Да, я пойду. Да.

Восходящий свет просеивался сквозь широкие ветки ветрового заслона. Легкая голубая вода уходила вдаль, становясь ало-золотой. Умопомрачительно вкусно пахло только что сваренной похлебкой. Олджунa с розовым свежеумытым лицом складывала вещи.

...И снова темные буруны реки, покачивая лодку на пенистых гребнях, несли ее вниз, вниз и вниз – к северу. Горизонт уходил в туманную дымку, по бокам громоздились щербатые зубья утесов. Воздух, послушный прихотям ветров, то овевал лица морозной струей, как бывает, когда зимою открывается дверь юрты, то наполнялся радушным весенним теплом.

Время здесь совсем с ума сошло. К вечеру остановились на зеленом полуострове. Отвоевывая у зимы день за днем, весна будто и пространство собою пятнала – немедля воцарялась в освобожденных от стужи местах. Из-под ног врассыпную бросались мелкие грызуны, за деревьями мелькали тени ветвисторогих. Едва ли не на каждом дереве сидело по ворону и сове. Полуостров кишел птицами и зверьем.

Соннук с тонготской сетью, стянутой незадолго перед побегом, отправился рыбачить. Ельцы пошли на нерест, хоть рубаху оттопыривай и лови стаи в подол у самого берега.

«Как же он походит на брата, – печально думала Илинэ. – Не нравом – обличем... Только у этого нос прямой, а у Атына с горбинкой». Ей ли не знать, откуда взялась горбинка. В памяти о детстве отчетливо сохранилась драка у излучины озера Травянистого, когда Кинтей сломал нос Атыну.

Близнецы... Верно говорят, что из одной половины доски стругают лопату для снега, а из другой – для навоза... Откуда Соннук мог провести о волшебном камне, об Илинэ, о многом другом, если, по его словам, никогда Атына не видел? Выходит, и Атын знал, что Соннук может потребовать у Илинэ Сата, если попросил спрятать камень от него самого.

Путаные вопросы тянули за собой память о прошлом и недавнем. Нужно было как-то научиться жить без воспоминаний, чтобы не надсаживать сердце. И рыбу есть всю, какую дают, даже если совсем не хочется. Нельзя терять силы, раз обещала идти в Долину Смерти. Знать бы еще – зачем... Но лучше и об этом не размышлять.

Илинэ съела свою долю рыбы и выпила сладковатую, белую от молоки уху.

Олджунa брезгливо отбрасывала рыбы головы и жирные внутренности, выводя из себя прижимистого Кинтея. Илинэ смотрела на нее и не узнавала. Это была та же прежняя Олджунa, но и не та. В ней появилось что-то тихое, нежное. Она теперь и сердилась по-другому, не так злобно, как раньше, и успокаивалась быстро.

«Йор ушел», – убедилась Илинэ. Кинтей мог сомневаться в существовании злого духа, ведь он не видел Олджуну в тот страшный день, когда... Илинэ снова пресекла мысли о том, что осталось далеко позади. Потом сидели вдвоем у костра, и Олджунa с содроганием рассказала, как гигантская ящерица проглотила Топпота. Полагая, что Илинэ думает о побеге, вздохнула:

– Назад дороги нет. Мы отплыли от Элен больше чем на седмицу пешего хода. Река не просто течет, она летит как на крыльях, а человек летать не умеет... Близкие, хватившись тебя, конечно, подняли тревогу, и Хорсун отрядил погоню. Вряд ли настигнут. Но унывать не надо. Мы с Соннуком разговаривали о тебе. В том месте, куда мы направляемся, нас ждет какой-то его знакомый, человек надежный и богатый. Он обязательно даст сильных коней и опытных провожатых для твоего возвращения домой.

Илинэ слушала, опустив глаза. Близнецу Атына она не верила нисколько. Покладистости его имелась единственная причина – волшебный камень. Олджунa явно не ведала о Сата. Если б не это, ее дружок не задумываясь отдал бы Илинэ Кинтею. С Сата связана какая-то тайна, не зря же и женщина во сне сказала: «Ты знаешь, где камень». Может, Соннук хотел забрать его не для себя, а для того «надежного и богатого», чтобы прийти к уважаемому знакомцу не с пустыми руками?

Что ж, не придет с пустыми – приведет хранительницу камня Илинэ. Вот почему и Кинтей удобен – как стражник.

Никогда ни к кому не испытывала Илинэ такую горячую неприязнь, как к Соннуку и Кинтею. На первого смотрела прямо, не отводя глаз, отчего он тушевался и спешил заняться каким-нибудь делом. Ненароком сталкиваясь взглядами со вторым, сама терялась – уж больно снисходительным, хозяйским взором он ее окидывал...

Начистив песком закопченный бок медного котелка, Олджуна сдунула песчинки и всмотрелась в тускловатую округлость. Было чем любоваться: опущенные длинными ресницами очи блестели, пухлые губы раскраснелись, точно две ягоды вызревшего шиповника. Приподняла к затылку косы, и так и сяк повернула высоко посаженную голову.

Илинэ подала маленький отражатель, который носила в кошеле с тех пор, как Атын его подарил.

– Ой, какое глядельце! – восхитилась Олджуна, с удовольствием смотрясь в застывшую воду отражателя. – Из чего оно? Вроде не бронза... Атына работа?

Девушка кивнула.

– А я свое оставила. – Олджуна не без сожаления вернула вещицу. – У меня дома есть большое, бронзовое... То есть было дома. Помнишь, висело над моей лежанкой? У кузнецов орхо когда-то выменяла. Но это гораздо лучше. Атын – славный мастер. Соннук ковать не умеет, но тоже руки не крюки. И человек хороший. Правда, хороший. Вижу ведь, не слепая, худое о нем думаешь. Ну, время явит, узнаешь еще.

Рассмеялась, задорно тряхнула косами:

– Любит меня! – И глаза потемнели: – Я рада, что не вижу Тимира. Ни один мужчина больше меня не ударит.

Илинэ насмелилась спросить:

– Сама-то ты любишь Соннука?

– Не знаю, – задумавшись, ответила Олджуна. – Наверное, люблю. Ведь я ношу под сердцем его дитя.

* * *

Чем ближе подвигались к северу, тем озера становились беднее рыбой, но улова на четверых хватало. Варили рыбу и трогались дальше, ближе к берегу, стараясь мирно переправиться через коварные перекааты, что тянулись наискось у сплошных стен утесов. Приближались к зиме. Небо глухо замкнулось, густой туман окутал берега. Из-за шуги к ним было не подплыть близко. Скоро придется оставить лодку.

И вот река вспучилась льдами. Вышли на продолговатую льдину, грузно налегшую на землю. Выстуженные волны оттеснили ее к берегу, как обескровленную тушу животного-исполины.

– Будто Мохолю, – содрогнулась Олджуна.

Молчали почти весь тот тягостный день. На протяжении пути Великий лес был полон трупами больших и малых зверей. Да и сам он, серый, угрюмый, точно раненый зверь, издавал неумолчный стон и подобный зубовному скрежет. Редкая хищная птица срывалась с ветки, увидев двуногих. Больше в этой тайге не было ни одного существа, носящего в себе жизнь.

К вечеру встретилось брошенное кочевье. Там парни нашли теплые вещи. Принесли оленьи одеяла и дохи, круглые тонготские шапки, рукавицы и мягкую обувь.

Олджуне не понравилось:

– Наверное, все это принадлежало умершим людям...

Но Соннук клялся:

– Пусты были чумы! Если и умерли люди, то не в них.

Вечером к костру подошли несколько оленей.

– Домашние, – обрадовался Кинтей. – Одичать не успели.

Животные сами дали себя привязать. Видно, соскучились по хозяйской руке. В том же кочевье парни раздобыли арканы и вьючно-верховую упряжь. Потом приблудились еще двенадцать оленей. Теперь можно было не беспокоиться о пище.

Порой горные тропы перекрывали вбитые крест-накрест палки. Знак, оставленный кем-то, предупреждал о скальном тупике или неизвестной опасности. Однажды путников остановил рисунок на утесе. На каменной стене красной охрой были начертаны люди и олени, перевернутые вверх ногами. Значит, впереди таилось недоброе место.

Попадались деревья со свежими зарубками-стрелами направлением назад. Видимо, люди помечали летом дорогу в Эрги-Эн. А скорее всего, метки совсем недавно поставили оравы чужаков, что осели в Элен.

«Элен, Элен», – стучали копытца оленей по каменным тропам. «Эле-ен, Эле-ен», – шуршали они в береговом песке. Так же, как Илинэ, Соннук приказал себе не вспоминать о долине, где продолжали жить любимая матушка и брат, от которого он сумел, наконец, оторваться.

«Элен!» – не умолкая, плакало разделенное надвое сердце Олджуны.

Прежде чем беглецы узрели дым жилия над берегом протоки, его почуяли усталые олени. Линия зимы здесь снова резко обрывалась. Протока текла по-весеннему весело и шумно. В лесу суматошно и деловито роилась шерстистая, когтистая, зубастая жизнь. Олени заторопились, предвкушая отдых и пищу, но Соннук велел придержать их и скрылся в кустах. Вначале надо было разведать, что за люди обосновались здесь.

Это оказалось маленькое одуларское кочевье. Дымоходы пяти яранг слабо курились в небо. Поблизости гуляло стадо могучих оленей. У костра три женщины нанизывали на веревки пластины крупной рыбы, четвертая кормила грудью младенца. Семеро мужчин укрепляли в песке жерди для сушки юколы. У края леса стояла старуха в шапке со смешно торчащими в разные стороны рысьими ушами и не отрываясь смотрела на большой туес с крышкой. Он висел на самой верхней ветви высокой березы с нежно-зеленой листвой.

Когда из безмолвной тайги выступили нежданные гости, кочевники испугались. Мужчины отпрыгнули к жилию, сжимая палки в руках. Женщины убежали в яранги, из одной послышался детский плач. Не выказала страха только старуха. Несмотря на то что пришельцы были одеты во все тонготское, она сразу изобличила в них людей саха. Спокойно поприветствовала на их языке и спросила:

– Кто вы?

– Мы из долины Элен, что напротив базара Эрги-Эн, – ответил за всех Соннук. – Идем на северо-восток.

– Вот как, – молвила старуха. – На северо-восток...

Махнула рукой своим: не бойтесь. Одулары уловили названия известных мест. Сгрудились вместе, зашептались, удивленно поглядывая на странных людей саха, которые направлялись туда, откуда они бежали.

– Значит, на северо-восток, – медленно проговорила старуха. – Зачем?

– Так нужно.

– Кому?

– Нам. – Соннука начали раздражать ее вопросы.

Морщины на старухином лице, как веточки к солнцу, потянулись к высветленным старостью глазам. Она сурово сощурилась.

– Пятно в стране сумерек убивает души.

Пришла очередь эленцев удивляться. Лишь Илинэ слышала, что так одулары называют Брешь. Но она молчала.

– Пятно? Какое Пятно?

– Оно еще не разговаривало с вами? – Старуха помешкала. – А и впрямь, в последнее время оно безмолвствует. Наверное, насытилось.

– Брешь! – догадался Кинтей. – Пятно – это Брешь в таежных вратах.

Женщины робко вышли из яранг, прикрывая ладонями лица. Мужчины занялись прерванным делом. Старуха позвала гостей в ближнее к лесу жилище и усадила за низкий столик. Дым в очаге, тихо клубясь, тянулся к дымоходу. Как в циновке из конского волоса, к потолку пестрым столбом взмывали плетеные нити – серые, белые, золотые. Дымный столб пронизывали солнечные лучи, и он покачивался, точно утомленный человек, не чающий добрести до лежанки.

Старуха ласково посмотрела на Илинэ:

– В котелке у двери чистая вода. Вон в том углу три туеса. Один полон мяса, в другом квашенные с кореньями оленье языки, в третьем – языевые головы. Ешьте. Сама я не могу вас угостить. Мне пока запрещено прикасаться к пище. Старик мой вчера ушел в Страну теней. Он был старейшиной большого рода, от которого осталось всего пять семей. И я...

– Отчего он умер? – насторожился Кинтей.

– Не от болезни, – поняла она его опасения. – От усталости и вины перед родом. Лежит теперь в похоронном туесе, а меня зовут Женой-висящего-на-березе.

– Как в такую посудину мог поместиться человек? – не сдержалась Олджуна. При выходе из леса она заметила на березовой кроне туес, размером не больше обычных молочных.

На губах старухи мелькнула усмешка.

– У нас, одулларов, такой обычай: если нужно получить от покойного человека часть силы и необходимые знания, мы печем его в углях костра.

Олджуна поспешно отставила поднесенный было ко рту кусок мяса. Старуха снова усмехнулась:

– Это оленье мясо. Мы не едим мертвецов. Только сердце... Я нуждалась в силе старейшины и знании живого пути. А испеченное тело с усохшими костями легко уложить и в меньший туес.

Она по очереди пронзительно взглянула на гостей.

– На северо-востоке теперь много чужих. Но они не просты. На вид у них все как у людей, а душ нет.

– Наши души при нас. – В голосе Соннука прозвучал вызов.

Старуха качнула головой:

– Вы идете в Долину Смерти, и мне трудно вам верить... Но, может быть, вы обмануты. Моего старика тоже обманули. Мы жили в десяти ночлегах от этого гиблого места и с детства привыкли не поворачиваться в его сторону. Даже когда наступал лютый голод, ни один охотник не решался приблизиться к долине хотя бы на ночлег, пусть добыча и ждала его за каждым кустом. Поверив человеку, властвующему там надо всеми, наш старейшина впервые повернул нас лицом к Долине Смерти, и мы пошли по дороге назад-вперед. Мы встретились с бродячей стужей. Мой муж повел род обратно, но было поздно. Многие были убиты в ту же ночь, остальные умерли потом. Властитель не простил отступничества и послал вслед за нами Пятно. Оно выло в наших головах, высасывало живые соки, сводило с ума... Однако, думаю, нам повезло. Мы не дошли до страны сумерек, и род сумел выжить хотя бы столь малым числом.

Помедлив, старуха с горечью добавила:

– Как любой рачительный старейшина, муж хотел мира и славы роду. Мечтал о богатстве. После того, что случилось, он, снедаемый горем, вымолил у духов знание живого пути... Пройдет третий день со дня его смерти, и мы пойдем дальше. Вместо старейшины людей поведу я.

– Куда? – осевшим голосом спросил Соннук.

– К добру. Оно есть на Земле. Но оно – не там, куда вы направляетесь по мертвой дороге вперед-назад.

– Может, это не ложь, но и не совсем правда, – возразил Соннук. – Твой муж впрямь заблуждался. На севере есть хорошие места. Их там, как во всем мире, гораздо больше, чем злых. Вам просто не повезло.

Жена-висящего-на-березе пожала плечом.

Соннука раздирали сомнения. Все, чем он жил, во что упорно заставлял себя верить, рассыпалось и таяло на глазах. Слова старухи больно ранили его. Но отстраненной частью разума он понимал, что ему нет дела до судьбы чужого рода. Пусть бы вымерла хоть половина Срединной, лишь бы любила и была здорова та, которую он называет женой.

Несмотря на хладнокровные мысли, внешне он, к своему стыду, оказался близок к слезам. Несмело дотронулся до руки Олджуны и ощутил, как она едва заметно напряглась. Рука Соннука бессильно упала ладонью вверх.

– Не попадитесь в лапы чучунам, – предостерегла старуха. – Это дикие и воинственные создания. Раньше они жили в горах, а теперь спустились. Лица у чучун темно-красные, как железо в огне, а вместо сердец комки волос и ненависти к людям...

Парни насытились и, поблагодарив хозяйку за угощение, вышли.

Прибирая со стола, Илинэ заметила в берестяном коробе клубок спутанных оленьих сухожилий. Кто-то отделял их, не закончил и бросил.

– Руки по заделью скупают? – улыбнулась старуха девушке и подала ей колотушку для расщепления волокон.

Привычный труд успокаивал, заставлял сердце биться ровнее. В голову пришли нежные мысли о будущем ребенке Олджуны. Страх перед собственным будущим отдалился и стих. Про себя Илинэ решила: она не станет сидеть сложа руки. Если все время двигаться и что-то делать, хватит сил справиться с давящей неизвестностью.

Видя, с какой радостью девушка взялась за работу, старуха предложила:

– Если хочешь, скатай нитки, когда вылуцишь. Я из-за смерти старика еще долго к ним не притронусь, а ты чужая, тебе можно.

– Почему не мне? – ревниво спросила Олджуна.

Не глядя на нее, Жена-висящего-на-березе сказала:

– Ты несправедлива.

Олджуна изумилась:

– Откуда знаешь?

– Несложно было понять. Ты не ела лакомые языки, ведь если родится девочка – будет языкастой. Ты отвернулась от вкусных языковых голов, ведь если родится мальчик – будет сопливым. Но ты несведуща в том, что тебе нельзя сучить нити, – роды будут длинными и трудными.

* * *

Мужчины принесли полные ведра отборной рыбы. В глубокой протоке нерестился запутанный перевертышем времени язь – красивая рыба, похожая на круглые серебряные мисы. Илинэ помогала женщинам отделять рыбы кости, частыми косыми линиями надрезала тяжелые бело-розовые пластины для вяления. Старуха, с удовольствием наблюдая за ее проворными движениями, сказала:

– Завтра разойдемся в разные стороны. Возьмите мешок юколы и мою ярангу. У меня нет дочери, которой я могла бы ее завещать, а у жены сына своя яранга. Пусть мое жилье послужит еще, бросать жалко. Это хороший дом, прочный, теплый, а какой ловкий! Собирать-разбирать легко. От болезней в нем никто не помирал. – Кинула тоскующий взгляд на туес с мощами мужа: – Пришла мне пора переселиться к сыну.

Обняв три продыmlенные до черноты главные жерди разобранной яранги, Жена-висящего на-березе заплакала.

– Мой дом охранит и согреет, – говорила она потом, показывая Илинэ, как складывают покрывки яранги, чтобы они занимали меньше места, как навьючивают их на оленей. По морщинистым щекам без остановки лились слезы.

– Заботливый дом убережет тебя от бродячей стужи. У нее длинные пальцы, она может заморозить сердце...

Олджуна резко повернулась к возившемуся с сетями Соннуку:

– Я не пойду с тобой, – прошептала яростно. – Я хочу возвратиться с этими людьми в Элен!

Перехватив ее запястье, парень прошипел так же гневно:

– Ты пойдешь со мной, – словно собрался идти сейчас же, поволок женщину за руку к лесу.

– Наслаждайся счастьем один, когда кругом беда и разруха, а я не могу! – выдохнула она.

– Старуха лжет.

На скулах Соннука вспыхнули алые пятна. Олджуна выдернула руку из его цепких пальцев. Встали друг перед другом, тяжело дыша.

– Она не соврала. Неужели ты не видишь, что творится в Великом лесу? Я давно уже слышала о Долине Смерти.

– Это сказки! – выкрикнул Соннук в отчаянии.

– Во мне слишком долго жил бес, – сказала женщина горько. – Я хорошо знаю, что это такое, и ни за какие посулы не пойду в логово бесов.

– В Элен для нас все кончено... Но мы вернемся, как ты хочешь, – сумбурно забормотал он. – Да, любовь моя, обещаю! Вернемся не прозябать в шалашах, а жить в достатке и счастье. Жить, как люди, понимаешь?

– Разве ты знаешь, как живут люди? – усмехнулась она враждебно.

– Что ты сказала?! – взрычал Соннук, рванув ворот, сжавший вдруг горло удавкой.

В этот миг парень так сильно походил на Тимира, что Олджуна отпрянула и наткнулась на дерево. Дальше отступать было некуда. А он придвигался, сверкая бешеными глазами, опалая ей щеку горячим дыханием. Олджуна крикнула, скорее, от застарелого страха боли и унижения, чем от желания обидеть:

– Иди к бесам! Ты сам – не настоящий человек!

Она тотчас же пожалела об этих словах...

Голову Соннука залил кипучий холод.

«Не настоящий. Не настоящий», – булькало и бурлило в мозгу эхо слов, страшнее которых нельзя было придумать. А ведь он забыл об этом! Он давно не вспоминал о своей неполноценности. О половинчатом Сюре... О том, что Олджуна, отцовская баджа, всегда говорит с задним умыслом. Она его не любит. Решила избавиться. Может, приглянулся кто-то из одуларов. Мужчин у них больше, чем женщин, и среди них есть молодые...

Попадись сейчас в зубы крепкая кость, Соннук истер бы ее в мелкое крошево! Ногти впились в ладони стиснутых кулаков. Не понимая, что делает, он замахнулся.

Женщина не отстранилась, не отклонила лицо, взгляд был жалобный и беспомощный. На ум Соннуку почему-то пришла лопнувшая струна кырымпы. Не состроилась с умыслом такого больного взгляда... Но в следующий миг глаза Олджуны налились студеным презрением, и сил у парня не достало в них смотреть. Обошла, как пень на дороге. Взметенный кончик косы прохладным ветром мазнул по скуле Соннука.

– Подожди! – глухо крикнул он и кинулся вслед.

Влажная тропка выскальзывала из-под ног, перед глазами черными пятнами мелькали коряги. Казалось, он бежит по спине Мохоуло, утыканной кожистыми шипами... Догнал. Споткнувшись, на излете ухватил за рукав:

– Прости, прости!

Он покрывал поцелуями ее лицо, шею, руки.

– Все, что я делаю, куда иду – ради тебя, жена моя, любовь моя, дыхание моей жизни...

Она стояла, не шевелясь, бесчувственным столбом.

Точно тупой батас, в клочья раздирали душу Соннука убийственно презрительные глаза Олджуны. Он целовал свою женщину, страстно и безнадежно обвивая руками, будто пытался вобрать ее тело в свое, как если бы жизнь от него уходила. Мысли рвались и путались: не он ли сам этот батас, который одним махом разрубил с трудом свитое гнездо, пробудившее в нем человека?..

Еще вчера они лежали бедро к бедру, повернув друг к другу счастливые лица. Соннук знал: ни у кого на свете нет любви такой красоты и силы. А сегодня высокое пламя оказалось меньше огонька сальной плошки и погасло от удара преступной руки. Один безумный миг – и любви больше нет... Не зажечь труту огня без кресала.

* * *

Ночью Илинэ проснулась оттого, что кто-то дотронулся до нее и легонько толкнул. Подумала – Кинтей. Гадливо сжалась и только хотела закричать, как услышала шепот Олджуны:

– Вставай же, вставай!

Илинэ зажмурила веки. Олджуна толкнула сильнее:

– Я не могу будить тебя долго, не то все проснутся!

Подождав немного, вздохнула над ухом:

– Эй!

Тщетно. Илинэ, видно, так перетрудилась за день, что хоть в табык над нею стучи... Олджуна помешкала и сделала то, чего Илинэ никак от нее не ждала: нежно поцеловала в щеку. Не ожидала подобного от себя и сама Олджуна. Но думать о том ей было недосуг: змейкою выскользнула из полога дареной яранги.

Утром обнаружилось, что женщина сбежала. Недосчитались двух оленей и мешка с юкой, который приготовила для путников заботливая старуха.

Домм третьего вечера Зов сердца

Два молодых волка дрались за обладание волчицей с темной полосой на спине. Скоро один, жалобно подвывая, потрусил прочь с перекушенной лапой и поджатым хвостом. Победитель, чья окровавленная морда была все еще злобно ощерена, оглянулся на волчицу. Он собирался предъявить право на признательность ее и любовь, но волчица исчезла. Волк обнюхал следы, повернул нос по ветру, ловя летучие запахи, и понял, что гнаться бесполезно. Она была уже далеко.

Волчица мчалась по лесу серым ветром. Высунутый в спешке язык малиновым крылышком трепетал у плеча. Она понеслась, едва слышала зов долины. Мгновенно забыла как о стычке соперников, так и о собственной притягательности, все еще волнующей самцов. Этот зов был куда мощнее того, что тревожил ее, заставляя вспоминать матерого и стаю.

Семья распалась. Дети оставили мать и думать не думали о ней. Она научила их главному в жизни – добыче пищи. Остальное явится к ним само с постижением опыта и естества. Мать стаи тоже запамятовала о детях. Правда, порой расплывчатые тени мелькали в ее смутных снах – тени, похожие на круглых пушистых зайчат. Во сне же она мимолетно удивлялась, почему ей нисколько не хочется съесть этих зайчат, а хочется подставить бок с пустыми сосцами. В последнее время они начали ныть. Она удивлялась и снова забывала.

Волчица была свободна. Точнее, одинока. И все из-за зова, который глубоко забился в тесноватую звериную память. Волчица чуяла в ветре его легкий посыл. Живые воздушные потоки подхватывали родные запахи за много пробегов пути от ее нынешнего обитания. Ветер услужливо нес дымно-лиственничный дух долины прямо к носу. Но волчица понимала: посыл – не зов. Просто напоминание. Она ждала зова со дня на день. И вот он пришел, властный, могучий, и сразу напрочь отменил желания плоти.

Волчица бежала по весне, жадно принюхиваясь к острым запахам, полным тепла и света. Она торопилась, стараясь беречь силы, не тратя их на преследование оленей. Несмотря на путаницу времен, а может, благодаря ей, пища попадалась повсюду. Подвертывалась на бегу то зазевавшимся сусликом, то хворым гураном. Волчица была одинаково рада малому и большому. Не зарывала впрок в землю то, чего не могла доесть. Оставляла мелким хищникам и падальщикам.

Она не считала пробеги от сна до сна, но, умея говорить, сказала бы, что на время пути до долины потратила столько дней, сколько требуется полной луне, чтобы выщербиться на четверть.

Дыша смятенно и возбужденно, скользила волчица по рябиновому паволоку. На ходу лакала из болотных бочажков зеленую воду, густо настоящую на свежести весенней травы. В лесистой пойме за лугом к опущенной морде волчицы летели головокружительно знакомые запахи. Сладостным потоком струились они сквозь поры чутких ноздрей к самому сердцу. Приблизившись к приподнятому островку в обрамлении валежин и голубичных кустов, волчица сдержала бег и уже совсем медленно подошла к лежке.

В логове все еще пахло щенячьей мочой и тонко, неуловимо – матерым. Глубоко вдыхая, волчица перевернула лапой гнилую подстилку. Тоскующее сердце разрывалось между двумя желаниями – остаться здесь на всю ночь и взойти на гору, ближе к луне. Волчица выбрала третье: забралась на верхний сук выворотня, что возвышался над логовом. Страстная песнь, щекоча горло, стремилась из нее к небу.

Она завывала сильным утробным голосом с бегучими, как волны на речных порогах, перекатами. Печальная песнь была о последнем выводке, чей душистый запах разбудил невнятную нежность, о погибшем муже, его суровой ласке и танце вдвоем.

Когда песнь завершилась, волчица беспокойно взглядела в ночь. Ей померещилось, что, пока она пела, в кустах мелькнул и пропал матерый. Время стремительно возвращалось вспять. Снова и снова, как уже было прежде, чудилось: стоит уйти, и он, раненный, приползет к осиротелому логову.

Она подождала. Но не ветер, в безжалостном легкомыслии шевельнувший кусты, не бурундук, рыскающий в них, убедили ее в том, что мужа нет поблизости. Словно колючей веткой хлестнуло по носу – так больно и памятно ударил страшный дух. Волчица спрыгнула с выворотня, в три скачка одолела островок и поскакала к лугу, откуда исходил ненавистный запах. Как она, размякшая от встречи с родными местами, не заметила его раньше, столь густой и шибяющий в нос?

Волчица не разбиралась во внешнем виде следов. Не могла судить о том, глубокие они или мелкие. Она чувала их изнутри. О весе животного, росте, силе и даже нраве рассказывала его запашистая воздушная душа. Но эти крупные смердящие следы вызвали в туговатом зверином разуме мысли о невероятной величине их хозяина.

Принюхиваясь внимательно и осторожно, волчица обошла луг. Влажная земля сохранила запах в отпечатках как нельзя лучше. От них гнетуще разило опасностью и гибелью. Шкура с темной полосой вздыбилась на загривке волчицы, из груди поднялась рокошующая ярость. Она пошла по следу. Время кувыркнулось назад и смешалось с воспоминаниями. Они выступали из тумана забвения все четче и четче.

Если она нагонит ужасного зверя, то увидит матерого, нацепленного на колья его свирепых рогов. Мужа, истекающего кровью, но еще живого... Она не знала, что станет с нею и матерым потом, да и не думала об этом. Желание увидеть его было больше страха и смерти.

Волчица шла долго. Рык сердечной боли и гнева клочкотал у нее в груди. Казалось, мерзкий запах могильного праха въелся в весенний воздух угрозой распада и тлена. Запах, чуждый любому, кроме падальщиков, живому существу.

Преследовательница резко застопорилась на повороте тропы. Любопытный ветер, глупо несшийся вместе с нею вперед, мог известить пагубного зверя об ее приходе еще до появления. Она сообразила, что настигнет пряморогого, едва завернет за тропу и прошмыгнет под черной подвижной тенью, повисшей с холма. Помедлив, решила обойти холм против предательского ветра.

Лапы ступали привычно упруго, бесшумно, но волчицу обуревало злобное исступление. Оно спалило в ее сердце остатки боязни. Шерсть встала дыбом по всей спине, грудь расперло ненавистью, горячей и острой, как внезапно выпростанный из плоти незримый клык. Волчица сходила с ума. Она воображала себя молодой. Высохшие сосцы вспухли, наполняясь несуществующим молоком. Мать собиралась вернуться к логову, к своим малышам. Найдя матерого, она хотела унести детей подальше от болота, от страшного места, где землю топчет копытами ходячая смерть. Только бы муж был жив.

Огромный, как второй холм у холма, лось не заметил волчицы, представшей в лунном свете у края тропы. Он был занят: разрывал копытом груды сопревших листьев, под которым обнажился вмерзший в землю труп зайца. Наклониться к нему мордой мешали рога. Они тщетно вонзались в заячьи ребра. Зверь пытался поддеть их и подбросить, но кверху летели только листья.

Волчица не удивилась, что лесной бык позарился на закоснелую падаль. Эта тварь и не таким способна была удивить. Сжатое волчье горло исторгло короткий рык, похожий на глухое рыдание. Жена не увидела мужа. Ни живого, ни мертвого. Будто в призрачную скалу врезалась она с разбегу, и вспарывающее душу время вернулось к ней беспощадной явью и страхом.

Лось ничего не услышал! Стоя боком к волчице, он как раз тоже взрычал, гневаясь на неподатливый заячий труп. Под нижней губой сердито топорчилась лохматая борода. Она

спускалась почти до основания ног. Темно-бурая, не успевшая отлить шерсть клоками свисала с брюха.

На волчицу мгновенно обрушилось жестокое разочарование: нет, не за тем она явилась сюда, чтобы поквитаться с виновником своих бед! Да это и невозможно. Великан мигом насадит ее на чудовищные рога. Утащит во мрак, в беспроглядный ужас, как матерого когда-то.

Долина звала не на мщение за погибшего мужа, не ради болезненно всколыхнутых в волчице материнских чувств. Она звала на помощь! Запах противостоительно мертвенной жизни – вот что привлекло волчицу к пряморогому лосю. Так пахло то жуткое, что затаилось в северо-восточной стороне, чье смертоносное дыхание медленно убивало Великий лес.

В смятенную голову волчицы хлынули другие воспоминания. В рассеянном тумане памяти возникли ущербные следы одинокого волка. Следы кисло пахли голодом и недугом. Сам одинок, старый и тощий, из последних сил хромал по мерзлой реке с безумной мечтой о тучных быках... Двуногая самка, объятая волнами жаркого страха, стояла на водопойной тропе... В волчице всколыхнулось и окрепло горячее чувство родства – любовь к долине, общая с двуногой и со многими существами на этой земле. Любовь, что щемила сердце и оставляла его живой бег от одной только мысли о том, что светлое дыхание долины может угаснуть.

За ветер волчица не беспокоилась. Теперь он был за нее. Но хищный лось повернул голову... Волчица присела на хвост и прижала уши к затылку.

О, чудо – бык все так же ее не видел! Ему наконец удалось выдернуть из земли вожаемый труп. Подхватив мощи зайца на рога, зверь двинулся в обратную сторону. Шел напролом, пренебрегая тропой. Сломанные кусты с треском валились под его копытами. Походя, лось пучками выдергивал сочные лозы – растительную приправу к своей основной мясной пище.

С великим облегчением волчица побежала назад. Тонкий хруст ветки под ее лапой привлек внимание пряморогого. Он оглянулся. Быстрый взор маленьких лютых глаз застал мелькнувшую за поворотом тропы серую спину, украшенную темным ремнем. Миг – и она исчезла. Зверь равнодушно переступил копытами. Что ему было до волчицы! На рогах его покачивался влажно пахнувший терпкой гнилью труп зайца. Кроме того, лось только что почуял след юной косули, мясо которой куда нежнее жилистого волчьего.

* * *

На одном олене Олджуна ехала охлябь, другой тащил выюк и медвежью шкуру. В нее женщина заворачивалась на ночь. Теперь стреноженные ветвисторogie паслись на берегу опрятного озера. Олджуна выбирала небольшие водоемы. Такие, в которых не поместилась бы Мохолю.

Вокруг клубился продернутый золотыми нитями вечерний свет. Легкий озерный ветер, что приветливее и мягче речного, ласкал щеки прохладными пальцами. Подняв зажмуренное лицо к солнцу, женщина вдыхала летучие запахи весны и жизни. Горьковатый аромат листвы боярышника, слабо отдающего рыбной свежестью, земляники – заячьего лакомства... Запах дыма, похлебки и веток можжевельника. Места своих ночлегов Олджуна всегда очищала дымком священных растений.

Похлебка из юколы, сдобренная молодой съедобной травкой, была вкусна. Но Олджуна, обжигаясь, постаралась поскорее выхлебать ее из котелка, пока горло принимало еду. Женщину часто мучила рвота.

Постелив шкуру на пригретый солнцем взгорок, Олджуна прилегла отдохнуть. Душе было хорошо и спокойно. Смотрела на черную талую землю с курящимся паром и думала, что не только выросла на благодатной земле долины, но и вросла в нее. Чувствовала свои призрачные корни, привязанные к Элен. Как посмела она порвать свои корни?!

Соки земли текли в ее венах, и сама она истекала в землю. Все текло из одного в другое: мечты в желания, желания – в возможности, возможности – в жизнь. И время течет, его не остановишь, и реки текут вниз – в низ земли, и человек течет вниз, к старости, сгибается к земле все ближе коленями, спиной, плечами, пока весь не перетечет в землю и не станет ее плотью.

Тихой ладонью гладила Олджуну бугорок с кустиками прошлогодней травы. Казалось, сквозь ее тело и живую плоть земли щекотно прорастают былинки. Вгляделась – и впрямь: серебристые кисточки новорожденной пушицы на стеблях-паутинках выклюнулись из волгллой почвы. Чувствуя себя счастливой, Олджунa с трепетом прислушивалась к себе. Новая жизнь прорастала и в ней. Эта крохотная жизнь еще не умела брыкаться ножками, но была уже требовательная и прожорливая.

Родится этот ребенок, и Олджунa забеременеет снова. Она нарожает много детей, очень много. Будет непраздной столько времени, сколько даст ей женских весен Белый Творец. И неважно, кто станет отцом или отцами ее сыновей и дочерей. Она научит свою ребятню любить Элен, Великий лес и Орто так же сильно, как любит сама. Научит жить в мире со всеми соседями, будь то шуки в протоке, стайки тугуна в Большой Реке или лесные старики. Волки и суслики. Воробы и орлы...

Отправляясь в тайгу, дети Олджуны станут приносить домой ровно столько добычи, сколько нужно для самой скромной потребности. Не зная алчных выгод, будут видеть в шерстистых и пернатых существах не только пищу, мех и шкуры, но и подобные им души. Ведь человеческая плоть, как плоть всего живого, уйдет с этого Круга, чтобы взрасти новыми созданиями в новом Круге. Олджунa расскажет детям, что люди бывают порою злы оттого, что сами виноваты перед кем-то, и что звери и птицы умеют мстить. У них, кроме медведя, всего одна душа, но какая живая душа не знает любви... и тоски, и гнева, если лишит ее тех, кого она любит?

Белый Творец дал человеку целых три души и больше разума, чем у зверей, а стало быть, больше умения жалеть и прощать. В этом есть великий Промысл Божий: человека, который поддался злобе, ждет наказание несвободой в собственном сердце.

Все это Олджунa внушит своим детям и детям их детей. Потом ее материнская душа возродится в далеких потомках. Земная растворится-рассеется в целебной земле Элен и испарит над горушкой Сытыгана увитой ветром сосной. Воздушная душа чистой росой будет падать в траву с небес. Заблестит на солнце после туманного утра, как серебряные чешуйки в чашечках цветов, будто ночью выпал необыкновенный рыбный дождь...

Женщина встала и нагнулась с котелком над темнеющим озером. В пути бурдюк с чистой кипяченой водицей всегда был у нее под рукой. Глянула в отражение, и вдруг за спиной померещился звериный оскал. Вскрикнув, Олджунa от неожиданности выпустила из рук котелок. Оглянулась – пусто. Весело покачиваясь, котелок уплывал от берега. Пара чаек суетливо носилась над ним. То ли птицы приняли посудину за что-то съедобное, то ли вздумали поиграть. Олджунa выхватила рогулю из костра и, зайдя по колено в воду, еле успела подцепить беглеца. Теперь надо успокоиться, высушить одежду и обувь, воды вскипятить. Воткнула рогулю на место, пристроила котелок.

Чайки, возмущенно крича, метались над дымным костром. Из-под носа увела у них игрушку Олджуна! Она смеялась и протягивала им ладони с крошками юколы. Опасливые птицы не захотели есть с рук. Бросила крошки на берег – подлетели тут же.

Никогда больше не нарушит Олджунa правильный ход жизни в лесу. Теперь она знает: все беды ее – от предательства. Это гибель орленка, птичья ярость и собственная вина неотступно следовали за нею по жизни. Гнались, летели, крались за Олджуной и, настигая, клевали безжалостно и больно. Мстили ей уходом Барро, равнодушием Хорсуна, жестокостью Тимира, терзанием Йор... После убийства птенца Олджуна словно и не жила, а все время, оскальзываясь, шагала по тонкой доске над кипящим котлом.

А если бы она не убила малыша Эксэю? Женщина замерла, наблюдая за чайками. Птицы выискивали вкусные крошки.

Может, без осознания вины и любви бы не стало. Если бы жизнь Олджуны была благополучна, разве б она понимала все так, как понимает сейчас? Значит, без этого ее теперешнее маленькое счастье не смогло бы стать ценным. Когда счастья много, вряд ли ощущаешь его так полно и остро.

Где-то близко треснула ветка. По спине пробежал озноб, будто кто-то притаился в кустах и наблюдает. Олени забеспокоились, тревожно уставились на лес позади. Олджуна заставила себя обернуться и увидела, как за кустом шиповника скользнула и пропала серая тень. Женщина в панике кинулась к оленям, прижалась спиной к дрожащему боку верхового. А лишь снова осмелилась глянуть из-под края ладони – тень вышла из-за куста и превратилась в волка. Вздвигнув загривок, он поднял распушенный хвост и зарычал. Сердце Олджуны ухнуло в темень. Едва не упала – олень отскочил. Жалобно взмывая и мечась в путях, заскакал к берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.